Айлин Лин
Графиня Оболенская
Без права подписи

Графиня Оболенская

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Без права подписи

«Автор»
2026

Лин А.

Графиня Оболенская. Без права подписи / А. Лин — «Автор», 2026 — (Графиня Оболенская)

Санкт-Петербург, 1893 год. Вчера я проектировала здания в Москве XXI века. Сегодня я заперта в частной психбольнице в теле бесправной дворянки.У меня отобрали всё — от имущества до свободы. По законам империи я всего лишь «несовершеннолетняя сумасшедшая», игрушка в руках попечителя.У меня нет союзников и нет друзей, зато есть знания будущего и злость,которой у настоящей Александры никогда не было.Немного о книге:1. Это альтернативная Российская империя. Я не во всём буду следовать историческим фактам.2. Здесь нет магии (за исключением самого факта попаданства).3. Все лишнее - под спойлер.4. Опечатки в личку, как и увиденные косяки в логике, буду премного благодарна ;)5. Не забываем ставить лайки и писать комментарии - это моё топливо ;)6. И напоследок: если вы знаете, как на самом деле пахли петербургские дворы в 1893 году, пишите в комментариях, мне будет интересно почитать ;) 7. Возможно, трёхтомник.

© Лин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 31
Глава 6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Айлин Лин
Графиня Оболенская. Без права подписи

Глава 1

- Ещё ковш, Агафья. Карл Иванович велели держать, покуда губы не посинеют.

Фраза была произнесена женским, полным равнодушия голосом. В тот же миг что-то ледяное обрушилось сверху, и рот мой открылся сам собой, исторгнув хриплый вскрик. Веки разлепились, свет ударил в глаза, я снова зажмурилась, а когда отдышалась и проморгалась, увидела белый потолок с внушительными трещинами в штукатурке. Чьи-то сильные руки удерживали меня за плечи, не позволяя вырваться, сбежать, чтобы закончить эту чудовищную пытку холодом.

Я полулежала в глубокой медной ванне, наполненной водой до середины. В ней плавали мутные осколки льда, а над свинцовой поверхностью торчали моя голова, острые колени и грудь. Рубашка из тонкого полотна, промокшая насквозь, облепила синюшное тело.

- О, очухалась! - констатировал тот же голос. Женщина средних лет в тёмном платье и белом крахмальном переднике склонилась надо мной. - Нынче скорее обыкновенного. Видать, на поправку идёт.

Я попыталась заговорить, однако горло выдало лишь сиплое мычание.

- Тише, не трепыхайтесь, барышня, - заворковала вторая, помоложе, с широким веснушчатым лицом. - Вам волноваться никак нельзя.

Барышня?..

Мысли, только что кристально ясные, вдруг подёрнулись вязкой дымкой, замедлились, будто кто-то влил мне через уши прямо в мозг густого холодного киселя. Я судорожно тряхнула головой, пытаясь сбросить пакостную хмарь. Не помогло.

- Пить… - с трудом выдавила я.

- Никак нельзя, барыня. После ванны полчаса не положено.

Что за дурацкие правила?..

Прикрыла тяжёлые веки, стуча зубами от холода, и вдруг перед глазами встала картинка, словно из другой реальности: вечер пятницы, кофе из автомата, лестница подземного паркинга, ключи от машины в руке… Вспышка боли в затылке, и меня накрыла ледяная тьма, из которой я вынырнула уже здесь.

- Вынимай, Агафья, - скомандовала старшая, заставив меня вздрогнуть и вернуться в пугающую действительность. - Вся посинела, ещё преставится, а нам отвечать.

Меня подхватили под мышки и рывком, без церемоний, выдернули из ванны. Руки Агафьи оказались неожиданно сильными, и я повисла на них тряпичной куклой. Ноги волочились по полу, оставляя влажный след. Агафья небрежно стянула с меня мокрую рубашку, натянула сухую, затем уложила на кровать, укрыв колючим одеялом, пахнущим нафталином. Я закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Вдох на четыре счёта, задержка на семь. Выдох на восемь, нужно просто успокоиться.

- Отдыхайте, барыня. Карл Иванович после обеда заглянут, может статься, капелек пропишут, полегчает.

Каких таких капелек?

Скрипнула дверь, снаружи лязгнул засов. Меня заперли…

Я открыла глаза и уставилась в потолок, пытаясь собрать мысли в кучу и одновременно не впасть в истерику. А ещё унять дрожь по всему телу, поэтому, чтобы отвлечься, решила осмотреться.

Комната оказалась невелика, но с высоким потолком и единственным зарешечённым окном. Стены, выкрашенные в казённый зелёный, местами облупились. Я лежала в углу на узкой кровати, у изголовья примостилась тумбочка, у стены напротив между окном и шкафом уместили до смешного короткую ванну для пыток. Шкаф был с мутным зеркальцем на дверце, я приподнялась и посмотрела на своё отражение.

Как бы я ни старалась держать себя в руках, самообладание подвело и сердце против воли забилось быстрее, горло перехватило, зубы опять выбили противную дробь. Вдох-выдох…

Я смотрела на чужое, болезненно бледное, с тёмными кругами под глазами и запавшими щеками лицо. Подняла руку и поднесла к глазам, пальцы какие-то слишком длинные, запястья слишком узкие. Когда попыталась сжать их в кулаки, они сжались, но с трудом, как будто руки не мои вовсе, а чьи-то, одолженные на время. На запястьях алые полосы - следы от верёвок. Это тело привязывали к кровати и, по всей видимости, не раз.

Эта внешность вовсе не принадлежала мне, Елене Дмитриевне Соболевой, сорока пяти лет отроду, знаменитому архитектору, у которой было бюро в Москве, незаконченный проект на Пресне и три контракта на следующий квартал.

Я отчётливо знала, кто я и как должна выглядеть, и это знание вступало в мучительное противоречие с тем, что видели глаза… Судорожно выдохнув, перевела взгляд на тумбочку, с лежащей на ней книгой в тёмном коленкоровом переплёте. Я потянулась к ней непослушными пальцами, взяла в руки и раскрыла.

Широко распахнув глаза, уставилась на форзац. Штамп. Лиловые чернила, расплывшиеся по дешёвой бумаге: «Частная лечебница для нервныхъ и душевнобольныхъ доктора К. И. Штейна. Санктъ-Петербургъ».

Я перечитала несколько раз. Заострила внимание на дате…

«Санктъ-Петербургъ» написано через твёрдый знак на конце. Я уставилась на эти буквы, и они начали расплываться перед глазами, потому что меня снова заштормило.

Медленно перевела взгляд на зарешечённое окно, затем к запертой двери и остановилась на следах от верёвок на запястьях.

Книга выскользнула из пальцев. «Жития святых», значилось на обложке. Ну разумеется. Что ещё дать душевнобольной?

Ужас этой ситуации тошнотворной волной поднимался от живота к горлу… Я в лечебнице для душевнобольных девятнадцатого века. В чужом теле.

Я, подтянув колени к груди и обхватив их руками, принялась раскачиваться влево-вправо, действительно, как сумасшедшая.

***

Засов лязгнул снова. Я не знала, сколько времени прошло, погружённая в невеселые думы не следила за солнечным светом в узком окне. Впрочем, сейчас время заботило меня меньше всего.

В комнату вошёл мужчина. Он был невысок, плотного телосложения, с аккуратной бородкой и стёклышками пенсне, за которыми поблёскивали внимательные карие глаза. Чёрный сюртук сидел безупречно, от жилетного кармана тянулась цепочка золотых часов. Незнакомец двигался с величавым достоинством, которое бывает у людей, привыкших распоряжаться чужими жизнями.

- Александра Николаевна, - произнёс он мягким баритоном, чуть наклонив голову. - Рад видеть вас в сознании. Как вы себя чувствуете?

Александра Николаевна. Имя не отозвалось ничем, пустой звук.

- Кто вы? - прохрипела я больным горлом.

Он не удивился моему незнанию, даже, кажется, ожидал.

- Доктор Карл Иванович Штейн, к вашим услугам. Мы с вами знакомы уже четыре месяца. После тяжёлого криза ваша память порой пошаливает. Но после моего лечения, это пройдёт.

Четыре месяца Александра обитает в этой комнате?! Боже, как же меня сюда занесло, в это истерзанное тело?

- Сейчас действительно тысяча восемьсот девяносто третий год? - был мой следующий вопрос.

Штейн посмотрел на меня поверх пенсне, и вдруг слегка улыбнулся:

- Александра Николаевна, да, всё верно. Прекрасно, что вы это вспомнили. Но давайте не будем торопиться. Не насилуйте себя, сейчас для вас важнее всего покой. Я пропишу вам новую микстуру, она поможет уснуть.

- Какой у меня диагноз? - не думала отступать я.

- Вам не станет лучше, если я вам его назову, - в его голосе послышалось плохо скрываемое раздражение.

- Откуда вам знать? - прищурилась я.

- Как пожелаете, Александра Николаевна. У вас нервическая горячка.

- Кто меня сюда засу… Определил? - я выпрямилась, расправила плечи. И неважно, что в этой серой сорочке выглядела максимально жалко.

- Ох, - покачал головой доктор, но отчего-то снова ответил: - Ваш дядюшка, князь Алексей Дмитриевич, оплачивает наилучший уход. Вам решительно не о чем беспокоиться.

У меня есть некий дядюшка-князь, а ещё нервическая горячка… Все эти слова сыпались на меня, как камни, и я не успевала уворачиваться.

- Интересный диагноз, - нахмурилась я, переваривая информацию.

- Да-да, болезнь неприятная, с периодами помрачения сознания. Но мы добились прогресса, и я надеюсь…

- Это вы поставил диагноз? - невежливо перебила я.

Штейн моргнул, вопрос был не тот, которого он ждал. Душевнобольные не задают подобных вопросов, они плачут, кричат или молчат.

- Я поставил, - ответил он ровным тоном. - С подтверждением доктора Фрезе, известнейшего петербургского психиатра. Все необходимые бумаги оформлены надлежащим образом.

- Могу я их увидеть?

Он чуть нервно дёрнулся, но улыбка не покинула его лица, хотя взгляд стал холоднее.

- Александра Николаевна, вы утомлены. Я пришлю Агафью с микстурой. Отдохните, а завтра мы обязательно побеседуем подробнее.

Он направился к двери, на пороге обернулся.

- Его Сиятельству, вашему дядюшке, я сегодня же отпишу, что вам значительно лучше. Он будет рад, м-да, весьма рад…

Дверь закрылась с тихим скрипом, многозначительно лязгнул засов.

Микстуру принесли вскоре. Стеклянный пузырёк с мутной жидкостью, пахнущую чем-то горьким и сладковатым одновременно. «Капельки», которые помогут уснуть и не задавать лишних вопросов.

- Не буду, - ощетинилась я.

Агафья посмотрела на меня без всякого выражения.

- Как угодно, барышня. Только Карл Иванович осерчают. Когда осерчают, то ванну велят наполнить. А нынче вечером вода в котле ледянее обыкновенного, истопник запил.

Я неохотно взяла пузырёк, пальцы дрогнули. Поднесла к губам. Хотела сделать вид, что глотнула, но Агафья смотрела, не мигая. Пришлось проглотить.

Женщина ушла, а я сползла с кровати, доковыляла до ведра, два пальца в рот и желудок скрутило спазмом. Всё, что смогла, исторгла из себя, после чего с трудом перебралась на кровать, укрылась пледом и посмотрела на темнеющий кусок небесного полотна в окне.

Меня зовут Елена. Это не моё тело. Оно принадлежит некой Александре Николаевне, племяннице князя. Я нахожусь в частной лечебнице для душевнобольных в Петербурге. На дворе тысяча восемьсот девяносто третий год. Доктор не желает отвечать на вопросы, назначает сомнительные лекарства и запирает дверь на засов.

Вот и всё, что мне было известно на данный момент. Как и то, что я в здравом уме, хотя факт моего перемещения сюда сам по себе попахивал бредом.

Вскоре совсем стемнело, в щели рамы начал задувать промозглый ветер. Я уловила аромат дыма из трубы смешанный с плотным запахом гниющей листвы и примесью солоноватости… Так пахла петербургская осень.

Я не знала, как устроена жизнь в девятнадцатом веке и была без понятия, каким образом запертая, официально сумасшедшая женщина может защитить себя. Но я знала одно: завтра Штейн придёт снова, задаст свои однотипные вопросы, пришлёт кого-то с микстурой и, возможно, опять прикажет усадить меня в ледяную ванну.

Мне жизненно необходимо продумать свои дальнейшие шаги. Повернувшись на бок, подтянула колючее одеяло к подбородку и уставилась в темноту.

Стоило потрудиться и разобрать эту непростую ситуацию по кирпичику, чтобы найти путь на свободу.

Утро началось с Агафьи и кувшина тёплой воды. Я умылась, подставляя ладони под тонкую струйку, сполоснула рот. И посмотрела в мутное зеркало. Этому телу было лет двадцать, жгучая брюнетка с удивительными серыми глазами, под которыми залегли глубокие тени, а скулы выпирали так, что ещё немного и порвут тонкую полупрозрачную кожу.

На завтрак подали жидкую овсяную кашу, кусок кислого хлеба и кружку тёплого чая. Я ела медленно, заставляя себя глотать безвкусную размазню. Тело нуждалось в пище, мне нужны были силы, чтобы не сдохнуть. Не сдохнуть второй раз, вывод, сделанный ночью не обрадовал, прежняя хозяйка тела скончалась и её место заняла я. А это значит, что Елена Соболева тоже умерла.

После завтрака потянулись пустые часы. Меня не вывели из палаты на прогулку, просто оставили маяться в одиночестве. За стеной кто-то монотонно бубнил не то молитву, не то стих. Дальше по коридору изредка вскрикивали, и тогда раздавались быстрые шаги и лязг.

Сидя на кровати и подтянув колени к груди, я делала единственное, что могла - я работала. Закрыв глаза, выстраивала здание, этаж за этажом, от фундамента до кровли. Пространство послушно разворачивалось перед внутренним взором, я могла вращать его, приближать, резать сечениями.

Здесь это стало способом не сойти с ума. Не чокнуться по-настоящему, поэтому я превратила заточение в задачу.

Окно выходит во двор. Я уже всё в него рассмотрела, отметив решётку, сделанную из добротного кованого железа в палец толщиной, заделанного прямо в кладку на старые свинцовые зачеканы, вырвать такую без инструмента невозможно. За окном мощёный булыжником двор, высокий забор из красного кирпича, калитка. Я заперта в комнате на первом этаже. Моя камера примерно пять на четыре метра, не больше, потолок высокий, метра три с половиной; стены толстые, где-то в два кирпича, я их простукала, звук вышел глухим и плотным.

Я мысленно рисовала план, и с каждой линией мир вокруг становился чуть менее враждебным. Не потому что менялся, потому что я стала лучше его понимать. А то, что понимаешь, уже не так страшно.

К полудню в палату вошла другая сиделка, лет восемнадцати, невысокая и жутко худая, с близко посаженными тёмными глазами на остром лице. Она сполоснула ведро, поправила

одеяло, собрала грязную посуду. Всё это делала, не глядя на меня, но я чувствовала её напряжение и то, как она наблюдает за мной исподтишка.

- Как тебя зовут? - не выдержала я.

- Дуняша, барышня, - она неловко присела. - Евдокия Фролова, ежели по-настоящему. Вы, барышня, завсегда запамятовать изволите.

- Ясно.

- Вы нынче совсем другая, - вдруг заявила она, понизив голос, - ещё вчера глаза были… ну, мутные. А сейчас смотрите так, что прямо не по себе.

Какая наблюдательная, вопрос только наблюдательная для кого? Для себя или доложит Штейну?

- Это от ванны, - отозвалась я. - Холодная вода прояснила голову.

Дуняша кивнула, не успев скрыть сомнение, не поверила, значит. Между нами повисло молчание. Девчонка начала протирать тумбочку тряпкой, смоченной в карболке, и я воспользовалась паузой, чтобы тщательнее её рассмотреть: худые запястья, потрескавшиеся натруженные руки; платье аккуратными мелкими стежками залатано на локтях. А ещё не остался незамеченным лихорадочный румянец на её щеках, слишком яркий на фоне бледной кожи. Евдокия нет-нет, но покашливала, отворачиваясь к стене.

- Дуняша, - позвала я, - когда кашель начался?

Она вздрогнула от моего вопроса.

- Здорова я, помилуйте, барышня, просто в горле першит от карболки, тут все кашляют.

- У тебя не от карболки, - спокойно возразила я. - Ночью потеешь? Бывает, что постель утром мокрая?

Дуняша замерла с тряпкой в руке, широко распахнув глаза от удивления.

- Откуда вы…

- Не важно откуда. У тебя, вероятно, воспаление лёгких. В любом случае, тебе нельзя здесь оставаться, здесь холодно, через неделю-другую ты сляжешь. А Штейн лечить тебя не станет, уж поверь, ему проще заменить.

В воцарившейся тишине мы слышали монотонный бубнёж человека в соседней камере. Девушка медленно опустила тряпку на тумбочку.

- Вы и вправду не такая, как раньше, - осторожно выдохнула она наконец. - Та Александра Николаевна… постоянно плакали и просили отпустить их домой…

Я промолчала. Она знала прежнюю Александру и теперь вполне здраво рассудила, что та сильно переменилась. Но ведь внешность осталась прежней! Девушка пребывала в растерянности, не понимая, в чём дело, не находя логичного объяснения произошедшим метаморфозам.

- Дуняша, до того, как я сюда попала, я была такой, какой ты меня сейчас видишь, - мягко возразила я. - А скажи-ка честно, ты докладываешь Штейну о пациентах?

Собеседница мигом побледнела.

- Карл Иванович велят… - начала она и осеклась. Потом выпрямилась, сцепила руки перед собой. - Велят сказывать, ежели кто из больных чего учудит. Кто кричит, али буйствует. Вдруг тихий стал, ежели прежде шумный был. За это прибавляют рубль в месяц.

- Рубль, - покивала я.

- Жалованье шесть рублей, барышня.

Она смотрела на меня прямо, не опуская глаз, и в этом взоре была отчаянная честность, интересно, почему она решила разоткровенничаться со мной?

Я молча разглядывала её, и думала. Шпионка Штейна, ей невыгодно мне помогать. Но ей так же невыгодно болеть и умирать в этом каменном ящике за шесть рублей в месяц. А я только что показала ей, что вижу то, чего не видит Штейн, - вижу проблему, и, вероятно, могу помочь её решить.

- Я не прошу тебя ни о чём, - решилась я. - И Штейну можешь рассказать всё, что слышала. Ничего секретного я тебе не говорила. Только одно запомни: я не сумасшедшая. Ты и сама это видишь. И если я когда-нибудь отсюда выйду, я из тех, кто не забывает ни зла, ни добра.

Дуняша медленно кивнула, после чего закинула тряпку в ведро, взяла поднос с грязной посудой и уже будучи на пороге обернулась.

- Вам бы поспать, Александра Николаевна. А я вечером каши погуще принесу, и два куска хлеба, скажу, что Карл Иванович разрешили.

Дверь закрылась, лязгнул засов. Я легла на кровать и откинулась на подушку, закрыла глаза и начала мысленно достраивать план второго этажа.

Вечером, как и обещала, Дуняша принесла кашу погуще, а не жидкий клейстер, что был с утра. К каше прилагалось целых два ломтя чёрного хлеба и кусочек сахара. Я съела всё и впервые за день почувствовала, что сыта, перестало тянуть в желудке, даже задышалось будто легче.

- Спасибо, - искренне поблагодарила я её.

Дуняша ждала пока я закончу есть, после чего забрала посуду и снова задержалась у двери. Выглянула наружу, проверяя, не подслушивает ли кто в коридоре.

- Александра Николаевна, - прошептала она, обернувшись ко мне, - вы сказали, у меня воспаление. Это правда дурно?

- Да, если не лечить.

- А чем лечить?

- Тёплое помещение, покой и хорошая еда. Горячее молоко с мёдом. Горчичники на грудь. От жара… - я помолчала, вспоминая, было ли в этом времени жаропонижающее, и откуда-то из глубин памяти всплыло: - порошок с салицилом.

Она помолчала, прикусив нижнюю губу.

- У нас прислуге болеть не положено, - выдохнула тихо. - Заболеешь и мигом рассчитают. А ежели меня рассчитают, куда я? Ни родни, ни угла. Батюшка помер, матушка ещё раньше. Я из приюта сюда попала, по направлению.

- Дуняша, если есть возможность, попроси несколько дней отлежаться. Тебе жизненно необходим отдых. Сейчас сходи на кухню и выпей тёплый отвар.

Она ушла, унеся с собой горящую керосиновую лампу, засов лязгнул в последний раз за этот бесконечный день.

Темнота заполнила палату. За окном мерцал газовый фонарь, он едва слышно и нудно свистел, и его мертвенный свет ложился на стену косой решёткой. Откуда-то сверху доносился размеренный, как маятник, раздражающий меня стук. Кто-то на втором этаже бился головой о стену? Или раскачивался на стуле? Звук повторялся и повторялся, и я с силой заставила себя отрешиться от реальности, мысленно вернувшись к своим чертежам.

Глава 2

Утро второго дня в лечебнице я встретила, как самая настоящая заключённая - с единственной мыслью о побеге.

К восходу моё сознание перестало биться о стены непостижимого и примирилось с тем фактом, что я всё же каким-то невообразимым образом оказалась в теле Александры Николаевны, пациентки лечебницы для душевнобольных в Петербурге девятнадцатого века. Как это произошло, я так и не поняла и, возможно, никогда не пойму.

Большую часть ночи я надеялась, что я в коме и происходящее - это некие видения, но тело болело по-настоящему, горло саднило, как при ангине, и я реально мёрзла, а под утро так и вовсе желудок сжался в голодном спазме. Поэтому, скорее всего это не бред и не сон.

Агафья, как и вчера, явилась с кувшином тёплой воды и завтраком. Я умылась, причесала пальцами спутанные волосы и съела всё до крошки.

- Барышня нынче с аппетитом кушают, - заметила Агафья, забирая пустую миску. - Карл Иванович порадуются.

- Когда доктор придёт?

- После обеда заглянут, как обыкновенно.

- Вчера он так и не заглянул, - резонно заметила я, на что получила равнодушное пожатие плеч.

Служанка вышла, загремел засов, и я осталась наедине со своими мыслями.

Села на кровати, подтянула колени к груди, за последние дни это стало привычной позой для размышлений, и принялась гипнотизировать стену напротив в ожидании обхода.

Но Штейн всё не приходил, измаявшись от безделья, решила вздремнуть, легла, прикрыла веки и тут услышала всё приближающиеся шаги по коридору. Я мгновенно выпрямилась, уставившись на дверь.

Лязгнул засов и в палату вошёл мужчина… Он был высок и неплохо сложён, в превосходно сшитом тёмно-сером сюртуке. Волосы цвета тёмного мёда с едва заметными седыми нитями аккуратно зачёсаны назад, ухоженная борода тоже с проседью. Породистое лицо с узким длинным носом и серо-зелёными глазами, в уголках которых притаились морщинки, человек явно часто улыбался. Посетитель двигался легко и непринуждённо. В левой руке он держал букетик фиалок, в правой свёрток из вощёной бумаги.

И в тот самый миг, когда наши взоры встретились, в виске прострелило адовой болью, отчего я невольно ахнула, и на мгновение зажмурилась, пережидая, когда спазм пройдёт. Тем временем перед внутренним взором проносились картины прошлого… и принадлежали они Саше Оболенской.

… Летний сад. Солнечный день, пахнет липой, подстриженной травой и рекой. Маленькая девочка в белом платьице, лет пяти, семенит по аллее, крепко ухватившись за большую тёплую руку. «Папа, а белочки тут живут?», «Живут, доченька, но они застенчивые. Если будешь тихо-тихо стоять, одна непременно выглянет»… Отец купил ей леденцового петушка на палочке у торговки возле Карпиева пруда. Петушок оранжевый, на просвет видны пузырьки воздуха внутри…

… Скарлатина. Удушающий жар, горло режет, и невозможно глотать даже воду. Она мечется в горячке. У кровати сидит матушка и ласковым голосом читает вслух, что-то про Робинзона…

…Похороны. Чёрные зонты под мелким дождём, земля липнет к подошвам ботинок. Ей восемнадцать. Маменьку и папеньку хоронят на Смоленском, рядом с бабушкой.

Отныне она совсем одна… И тут рядом с ней появляется дядя Лёша, его тяжелая рука ложиться ей на плечо, мягко сжимает: «Я позабочусь о тебе, Сашенька. Обещаю».

И потом, гораздо позже: «Подпиши вот здесь, душа моя. Это для канцелярии, они требуют, чтобы и от тебя было согласие…»

Воспоминания отпустили меня так же резко, как накатили. Я открыла глаза, тяжело дыша, и увидела его, склонившимся надо мной.

- Сашенька! Боже мой, доктор!

- Не надо, - прохрипела я, перехватив его за руку. - У меня что-то резко голова закружилась, уже прошло. Не волнуйтесь.

Мужчина помолчал немного, раздумывая, принял решение и, сев на край кровати, положил фиалки и свёрток на тумбочку. От него пахло дорогим одеколоном, хорошим табаком и осенней свежестью.

- Сашенька, душа моя, как ты себя чувствуешь? - произнёс участливо. Вот только сейчас здесь не было доверчивой юной Александры. Перед ним был совсем другой человек, и я, Елена, прекрасно различила скрытую за этим воркованием фальшь. Какая приторная заботливость, у меня аж зубы свело.

Когда-то давным-давно был у меня один заказчик. Располагающее лицо, обходительные манеры. Он принёс торт для секретарши и знал имена моих детей, хотя мы виделись впервые. Через месяц оказалось, что его строительная компания - это однодневка, генподрядный договор липа, а «объект» на Рублёвке существует только в его воображении. Адвокат потом заметил: «Классическая схема, Елена Дмитриевна. Мошенник всегда обаятелен, потому что это тоже инструмент для его работы». С тех пор я перестала верить очаровательным улыбочкам.

- Получше, - пробормотала я, опуская глаза. - Вот голова иногда болит, но уже не так часто.

Я старалась играть ту прежнюю Сашу, которую успела «увидеть» в воспоминаниях. Она была тихой и послушной. Говорила кротко, часто соглашалась со всеми, чтобы не обидеть.

Дядя погладил меня по руке. Прикосновение было самым обыкновенным, но мне пришлось приложить усилие, чтобы не дёрнуться в сторону.

- Да-да, Карл Иванович мне отписал, что ты пошла на поправку. Стала отвечать связно, смотреть в глаза. Я так рад, - он помолчал, провёл пальцем по вощёной бумаге свёртка. - Привёз тебе пастилу от Абрикосова. Ты ведь её обожаешь.

- Вы что-то путаете, я обожаю пирожки с яблочным повидлом, - отозвалась я, цепко следя за сменой эмоций на его благородном лице.

Глаза князя на мгновение сузились, на самом дне серой зелени мелькнуло что-то неприятно-холодное, почти мгновенно спрятанное за тёплой улыбкой. Он меня проверял. Штейн доложил об «улучшениях», и дядя явился лично, чтобы удостовериться, насколько далеко зашло это улучшение. И услышанное ему точно не понравилось.

- Сашенька, мне нужно поговорить с тобой о делах. Ты уж прости, что я с этим, но откладывать далее нет возможности.

Я вся подобралась в ожидании.

- Твоё лечение, - он вздохнул, как человек, придавленный непосильной ношей, - обходится весьма и весьма недёшево. Карл Иванович один из лучших специалистов в Петербурге, и счета у него соответствующие. Мне пришлось похлопотать насчёт Покровского.

Покровское. Название всплыло в памяти, и следом за ним потянулась целая цепочка: белый дом с колоннами, липовая аллея, речка, мельница. Покровское - это имение матери Александры, доставшееся ей в наследство. Три тысячи десятин орловского чернозёма. Там же конный завод и две деревни. Имение было обращено в заповедное владение дедом, графом Апраксиным, и по условиям учреждения переходило сначала к прямым потомкам, включая наследниц по женской линии, а при пресечении прямой линии - к ближайшему родственнику из рода Апраксиных. Его нельзя продать или заложить. Нельзя с условием… Владелица должна быть дееспособной.

Если же хозяйка признана душевнобольной, а её попечителем назначен князь Алексей Дмитриевич Горчаков…

- Что значит «похлопотать»? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал растерянно, а не требовательно.

- Пришлось войти в сношения с Дворянским банком, - он потёр переносицу жестом усталого человека. - Заложить часть имения, чтобы покрыть расходы. Проценты, конечно, скверные, но иного выхода не было…

Заложить. Часть. Заповедного имения.

Я едва успела прикусить язык, настолько всё внутри меня вспыхнуло праведным негодованием! Заповедное имение не подлежит залогу! Вообще. Это его суть, его юридический смысл - неотчуждаемая собственность рода. Чтобы заложить Покровское, дяде пришлось бы сперва снять заповедный статус, а для этого необходимо ходатайство перед Сенатом…

Но ежели владелица несовершеннолетняя сирота под опекой, а попечитель почтенный князь с безупречной репутацией и нужными знакомствами в присутственных местах…

Саше, а теперь уже мне, было двадцать лет. Совершеннолетие в этой стране наступало в двадцать один. До него дядя - мой законный попечитель, его подпись равна хозяйской, а моя пока особо ничего не значит.

- Я оплатил твоё пребывание здесь за этот месяц, который закончится через неделю и тогда, душа моя… Я был вынужден принять подобное решение… Тебя переведут в лечебницу… Святого Николая Чудотворца на Мойке.

Я замерла, едва дыша, нутро оцепенело от ледяного ужаса, потому что я знала это место…

В своё время я работала над проектом реставрации исторических зданий Адмиралтейского района и перелопатила уйму архивных материалов. Здание бывшего смирительного и работного дома, острог, переименованный в лечебницу. «Пряжка», именно так её будут называть. Её история начиналась с тюрьмы, и тюрьмой она, по сути, оставалась ещё очень долго. Общие палаты на двадцать коек, смирительные рубашки, ремни, цепи для буйных - это не санаторий. У Штейна курорт, там же… Там меня убьют.

Дядя смотрел на меня с выражением вежливого сострадания.

- Дядюшка, - услышала я собственный голос, тихий и послушный, совсем не похожий на то, что творилось у меня внутри, - а можно мне попрощаться с Дуняшей, которая за мной присматривала? Её ласка мне очень помогла…

Горчаков искренне, с облегчением улыбнулся. Именно такого ответа он и ждал.

- Разумеется, душа моя. У тебя целая неделя, чтобы проститься с теми, кто тебе здесь помогал.

Я покорно моргнула и опустила взгляд. Роль покладистой воспитанницы далась без труда, достаточно было вспомнить, как прежняя Саша смотрела на дядю: снизу вверх, с бесконечным доверием.

- Там тоже неплохо, я позабочусь, чтобы лечили не хуже, чем здесь. Пойми, нужно экономить, твой отец, Николай Александрович, при всём моём уважении к его памяти, был инженером, а не коммерсантом, - произнёс дядя с мягкой укоризной. - Акции Волжско-Камского строительного товарищества, в которые он вложил значительную часть капитала, обесценились ещё в девяносто первом, ты, верно, помнишь, тогда были неурожай и затишье во всём строительном деле. Казна выкупила дороги по своей цене, а не по той, за которую брали бумаги. Что осталось я постарался сберечь. Покровское держится только на том, что я не сплю ночами.

- Благодарю, дядюшка, - пролепетала я. - Ты всегда знал, как будет для меня лучше, да и разумеешь больше моего.

- Вот и умница! - просиял он и его эмоции были не притворными. - Ты только поправляйся, а я всё улажу. Тебе нужно ещё несколько месяцев, чтобы окончательно выздороветь.

Да-да, несколько месяцев. Достаточно, чтобы выпотрошить имение до нитки, а племянницу оставить голой, когда и если она наконец выйдет из стен Пряжки. Впрочем, «если» здесь было ключевым словом. Прежнюю Сашу залечили до смерти, девушка отошла так тихо, что никто и не заметил. В момент, когда её сердце остановилось, подселили меня, и оно забилось вновь.

Дядя, не спеша, поднялся, одёрнул безупречные манжеты, на которых блеснули золотые запонки.

- Отдыхай, душа моя. Я заеду через неделю.

Наклонился и коснулся губами моего лба. Тело привычно приняло его поцелуй, даже чуть потянулось навстречу.

- Дядюшка, - окликнула тихо, когда он уже взялся за дверную ручку. - Можно передать мне книги? Здесь только «Жития святых», а я… мне бы что-нибудь… - я замялась, подбирая слова, уместные для двадцатилетней послушной барышни, - что-нибудь для развлечения.

Он снисходительно улыбнулся.

- Непременно, Сашенька. Передам через Штейна.

Дверь закрылась, лязгнул засов. Шаги Алексея Дмитриевича всё удалялись по коридору. Я же сидела, едва дыша, стараясь не сорваться на отчаянный крик. Александра была немногим младше моего сына, и её вот так легко упекли в психушку, чтобы избавиться и заполучить чужое наследство. Это неправильно и подло. Что же, если Саша не могла ответить в силу возраста и простодушия, то я совсем не такая…

Медленно разжав кулаки, посмотрела на красные полумесяцы от ногтей, отпечатавшиеся на внутренней стороне ладоней, и зло усмехнулась.

***

Через год мне двадцать один и дядина опека кончится. Но душевнобольную можно держать под попечительством бессрочно, и я была уверена, что именно на это дядя и рассчитывает.

Чужих обрывочных воспоминаний было много, но я терпеливо перебирала их, откладывая непонятные в сторону, чтобы вернуться к ним попозже.

Одно из множества приглянулось мне особенно: кабинет отца в доходном доме на Литейном, второй этаж, дверь с медной табличкой: «Н. А. Оболенский, инженеръ-путеецъ». Просторное помещение, пропахшее табаком и чернилами, на стенах чертежи и карта железных дорог с паутиной синих линий. В тот ясный день Саша приехала навестить отца, привезла его любимые слоёные булочки с заварным кремом из кондитерской Берена на Невском.

Отец был не в духе. Хмурый, осунувшийся, непохожий на себя. Нервно перебирал бумаги на столе, то и дело вставал, подходил к окну и глядел на улицу, словно ожидал кого-то, а тот всё не приходил. Александра тогда спросила: «Папенька, что с тобой?». Он отмахнулся: «Пустое, дело одно не ладится». Потом вдруг резко, как будто приняв какое-то решение, повернулся к чугунному сейфу в углу кабинета. Набрал комбинацию, открыл тяжёлую дверцу, переложил что-то внутри. Закрыл.

«Сашенька», - заговорил он негромко, не оборачиваясь.

«Да, папенька?»

«Запомни. Код от сейфа дата, когда я подарил тебе Огонька».

Саша растерялась: «Зачем ты мне это говоришь?»

Он наконец обернулся, медленно подошёл к дочери, взял её за плечи и поцеловал в макушку. При этом руки у него слегка подрагивали.

«Там три тысячи, кое-какие бумаги. И обещай, что никому не скажешь».

Саша пообещала, так ничего и не поняв. Они выпили чай с булочками, поговорили о погоде, и она уехала. А на следующий день родителей не стало…

Воспоминание оборвалось, как плёнка, слетевшая с катушки. Папа и мама погибли, их экипаж опрокинулся на мосту.

Отец поменял код на сейфе за день до своей смерти. И хотел, чтобы комбинацию знала только его дочь…

До вечера я пролежала на кровати, глядя в потолок и перебирая всё, что удалось вытянуть из памяти тела. Обрывки складывались в пока неполную картину.

После смерти родителей попечителем назначили дядю. Алексей Дмитриевич подсовывал Александре бумаги, порой практически пустой лист, и она послушно их подписывала. Потом что-то пошло не так, и она оказалась в лечебнице Штейна.

Вспомнить, что именно пошло не так, я, как ни силилась, так и не смогла.

А еще перед глазами часто возникал образ Матрёны Ильиничны, няньки Саши, которая оберегала девушку до тех пор, пока дядя не решил её рассчитать. Тогда Саша впервые не согласилась, но попечитель на уговоры не поддался и выставил няньку за порог. Мотя плакала в передней, обнимала Сашу и клялась, что никуда не денется, что будет в Петербурге, что, ежели что, она на Васильевском, у кумы Степаниды, где её всегда можно найти.

Мотя была из первых, кого дядя удалил из жизни племянницы. Затем сменил всех старых слуг. Тут меня царапнуло воспоминание о служанке, которая росла вместе с Александрой, вот только я всё никак не могла вспомнить её лицо, и объяснить холод, разлившийся в груди от одной только мысли о ней. Затем перевёз девушку подальше, чтобы она не могла видеться с подругами и претендентом на её руку и сердце…

Кое-как собрав разрозненные кусочки во что-то цельное, я смогла подвести небольшой итог: снаружи, где-то в этом огромном незнакомом городе, есть человек, готовый принять меня, не задавая лишних вопросов. А это уже большое подспорье.

***

Вечером вместо Дуняши пришла другая служанка, совсем юная, лет пятнадцати, не больше. Неприметная, как воробушек, с тощей косичкой, выбившейся из-под чепца, и без конца мельтешившими руками. Она поставила поднос на тумбочку, расплескав чай, и уставилась на меня с нескрываемым любопытством, но вскоре опомнилась и, опустив глаза в пол, смущённо потупилась.

- Как тебя зовут?

- Глаша, - пискнули в ответ.

- А Дуняша где? - спросила я, без враждебности разглядывая девочку.

- Захворала, - тут же вскинула голову собеседница. - Я вместо неё покуда. Жар совсем одолел бедняжку. После полудня как слегла, так и не встала больше. Кухарка говорит, ежели до завтра не поправится, Карл Иванович велят рассчитать.

- Получается, Карл Иванович о ней ещё не знает?

- Пока нет, - девочка быстро глянула на дверь. - Марфа Семёновна пока не сказывала, жалеет её. Она всех нас жалеет.

Я кивнула и села за стол. Глаша дождалась, когда я поем, после чего собрала посуду и ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Впрочем, засов лязгнул привычно громко.

Пересев на кровать, я уставилась на огонёк керосиновой лампы, которую Глаша забыла взять с собой, мне на радость.

Дуняшу было искренне жаль, но сейчас я ничем не могла ей помочь. Досадливо покачав головой, вернулась мыслями к отцовскому сейфу.

После гибели Оболенского дядя наверняка прибрал к рукам всё, что не приколочено. А вот залезть в сейф он навряд ли смог. Кроме каких-то бумаг, в нём лежали три тысячи рублей. Судя по тому, что шесть рублей - это месячное жалование сиделки, отец сберёг для меня целое состояние. Этой суммы хватит, чтобы снять квартиру и открыть дело. На них я спокойно проживу год-другой, пока не встану на ноги.

Вот только, чтобы их забрать, сначала нужно отсюда выйти.

Бежать самой без посторонней помощи невозможно. Ждать, пока дядя сам меня выпустит, несусветная глупость. Я попыталась сдружиться с Дуняшей, чтобы она стала моим ключиком к свободе, но, увы, не вышло…

Остался Штейн.

Доктор виделся мне продажным человеком. А значит, его можно переманить на свою сторону.

Покровское дядя заложит и без меня. Меня он будет держать взаперти ровно столько, сколько нужно. А потом? Потом я стану обузой. Живая племянница, которая через год достигнет совершеннолетия и заговорит - это проблема.

Хм-м… Итак, доктор нечист на руку, но при этом такие люди редко бывают готовы на всё. У каждого есть черта, за которую он не переступит. Убийство - это уже не мошенничество, это петля.

Отсюда возникает вопрос: достаточно ли Штейн умён, чтобы понимать разницу?

Глава 3

Ночью спала плохо, не только из-за задувавшего в щели окна холодного ветра, но и из-за странного бубнежа справа и пугающего шарканья над головой перемежавшегося хриплыми вскрикиваниями. Мои соседи медленно, но верно, сводили меня с ума.

Под утро забылась тяжёлым, вязким сном. И снилось мне…

Фёкла пришла поздно вечером, когда уже зажгли свечи. Постучала тихо, Саша окликнула, и она вошла.

Выглядела девушка плохо. Осунувшаяся, с тёмными кругами под глазами и платок повязан низко, почти до бровей. Встала у порога, смяв в руках передник, и молчала.

«Фёкла, что случилось?»

Служанка, чуть помедлив, начала сбивчиво, глядя в пол, рассказывать. Андрей Алексеевич, ещё летом, говорил, что любит её, что всё будет хорошо, и он поговорит с батюшкой… Саша слушала, и с каждым сказанным Фёклой словом у неё всё сильнее холодело внутри.

«Ты говорила с ним?»

«Говорила, барышня… Он сказал, что я сама виновата».

Саша встала, подошла, взяла её руки в свои и крепко сжала.

«Я помогу. Слышишь? Непременно что-нибудь придумаю».

Фёкла не ответила и, всхлипнув, прошептала:

- Батюшке не вынести такого позора… Простите меня, барышня.

Утром её нашли бездыханной в каморке за бельевой комнатой.

Саша стояла в дверях и, едва сдерживая отчаянный крик, смотрела на свою дорогую Фёклу, решившую уйти вот так, побоявшись осуждения общества и не желая подобного ещё нерождённому ребёнку.

Картинка резко сменилась: вот Александра идёт по коридору парголовского дома к бильярдной, где любил засиживаться двоюродный брат в свои редкие визиты.

- Сашенька, какими судьбами? - обернулся красавец блондин с прозрачными голубыми глазами.

Девушка замялась, она всегда чувствовала себя неуютно рядом с Андреем.

- М-мне нужно с тобой поговорить, - она судорожно сцепила пальцы, набираясь смелости. - О Фёкле.

Он помолчал секунду, потом холодно улыбнулся:

- И что же она?

- Ты знаешь что, - голос девушки срывался, она едва удерживала рвущиеся наружу рыдания, - Фёкла покончила с-с собой из-за тебя. Ты бросил её, хотя обещал…

- Господи, Саша, - молодой человек поставил кий и развернулся к ней полностью, - ты серьёзно пришла ко мне с этой ерундой?

- Она умерла… Андрей…

- Что ж, значит, туда ей и дорога. Такой девке, раздвигающей ноги от одного ласкового взгляда, там самое место.

У Саши потемнело в глазах.

- Да как же ж… Я… я… пойду к графу Бобринскому! Напишу в газеты… - девушка невольно сделала шаг назад, стараясь не встречаться с ним взглядом.

- Она была прислугой, - перебил Андрей жёстко, - забывшей своё место. И ты, кузина, тоже, кажется, забываешь своё, раз явилась сюда с подобными речами.

Мужчина резко шагнул к ней, и Огонёк, дремавший у неё на плече, беспокойно переступил лапками, встопорщил перья.

Саша не успела среагировать, как Андрей протянул руку и молниеносно сдёрнул птицу с её плеча. Огонёк пискнул, забился, а через секунду обмяк.

Андрей разжал пальцы и тельце попугая упало на пол, ему под ноги.

- Глупая птица, - фыркнул он пренебрежительно. - Много шумела.

Саша стояла не двигаясь. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли чёрные круги… Стало трудно дышать. Огонька ей подарил папа…

- Поняла, кузина? - тем временем зло скалился Андрей. - Никуда ты не пойдёшь, иначе тебя ждёт такой же печальный конец, как и твою птичку.

Александра закричала, так, что услышали все в доме, а после её поглотила тьма…

Я резко проснулась и села. Сердце билось где-то в горле, в голове шумело, по щекам катились крупные горячие слёзы.

Бедная девочка…

И этого Андрея воспитал Горчаков. Вот чему он научил сына.

Тот срыв и подсказал дядюшке решение, он ухватился за свой шанс и упёк воспитанницу в лечебницу Штейна.

Гибель родителей, увольнение Моти, затем смерть Фёклы и убийство Огонька, много, очень много свалилось на хрупкие плечи Александры.

Успокоившись немного, я откинулась на тощий матрас, посмотрела в окно, где занимался рассвет, а перед глазами стояла полная картина предательства дяди и его отпрыска.

***

Агафья явилась с кувшином воды и завтраком как обычно с первыми лучами тусклого солнца.

- Передайте Карлу Ивановичу, что я хочу срочно побеседовать с ним, касательно моего состояния.

Женщина вперила в меня тяжёлый взгляд тёмных глаз.

- Нешто барышня не может подождать до обхода?

- Разумеется, могу, - кивнула я кротко. - Но у меня есть важные новости, оставленные моим дядей, Алексеем Дмитриевичем. Их нужно как можно быстрее передать Карлу Ивановичу.

Служанка помолчала, прикидывая что-то своим небогатым умом, потом молча кивнула и ушла. Я взяла ложку, зачерпнула жидкой каши, поморщилась, но всё равно отправила в рот. И съела всё, как бы противно мне ни было.

Штейн явился минут через десять, вошёл степенно, прикрыл за собой дверь и остановился на пороге. Пенсне на месте, сюртук без единой морщинки. Блеск цепочки отвлекал внимание.

- Александра Николаевна, - произнёс он мягким баритоном. - Агафья сообщила, что вы срочно желали меня видеть.

- Желала, - подтвердила я, указала на стул у стола, сама же перебралась на кровать. - Присядьте, пожалуйста, Карл Иванович.

Мужчина удивлённо вскинул брови, но всё же сел.

- Слушаю вас, - сказал он, сложив руки на коленях и устремив на меня свой профессионально-участливый взгляд.

Я выдержала паузу и заговорила:

- Карл Иванович, я хочу задать вам несколько вопросов. Прошу ответить честно, это в ваших интересах не меньше, чем в моих.

Он чуть подался вперёд, нахмурившись.

- Охотно, - произнёс нейтрально.

- Вы практикуете давно?

- Двадцать два года.

- Частная практика всё это время?

- Последние двенадцать лет.

- Значит, вы человек опытный и прекрасно понимаете, чем рискуете, держа пациентку по заказу опекуна, - я не повышала голос, говорила обманчиво мягко. - Особенно, если пациентка выздоровела. Либо же изначально была здорова, но её подставили…

В комнате повисла физически ощутимая тишина. Штейн смотрел на меня поверх пенсне, и в его внимательных карих глазах что-то переменилось.

- Продолжайте, - попросил он негромко.

Хех, я не ошиблась в своих расчётах.

- Мой опекун, князь Горчаков, держит меня здесь по сугубо практическим соображениям, - продолжила я, тщательно подбирая слова. - Пока я нахожусь под его опекой и пока мой диагноз действует, он распоряжается всем моим имуществом по своему усмотрению. Через год мне исполнится двадцать один, попечительство прекратится по закону. Если к тому времени я выздоровею, вся его схема рухнет.

Снова помолчали, врач не шевелился, сверля меня тяжёлым задумчивым взглядом.

- Вчера дядюшка объявил, что через неделю он намерен перевести меня… - я снова выдержала короткую паузу и выстрелила: - В лечебницу Святого Николая Чудотворца. Соответственно, денежные вливания в вашу клинику прекратятся, а меня убьют в богом забытом месте. Вы наверняка не хотите первого, а я точно не желаю второго.

Штейн снял пенсне. Протёр стёкла платком, обдумывая услышанное.

- Александра Николаевна, - сказал он наконец, водрузив пенсне на место, - вы рассуждаете неожиданно связно для человека с вашим диагнозом.

- Будем считать, что у меня сейчас период просветления. И оно таковым останется навсегда.

Уголки его рта дрогнули в улыбке.

- Что вы хотите?

- Свободу, - ответила я просто.

- И что же я получу взамен?

- Деньги. Достаточно, чтобы вы не пожалели о своём решении.

За окном скрипнула телега, ругнулся возчик.

- Сколько?

- У меня есть восемьсот рублей…

Восемьсот - это сумма, которую разумный человек мог бы иметь в виде личных сбережений. Не подозрительно много, но и не оскорбительно мало. Назови я сумму меньше, например, пятьсот, Штейн бы и слушать не стал, ведь это куда меньше годового жалования приличного чиновника.

- Тысячу, на меньшее я не согласен, - быстро перебил он меня, я же про себя довольно усмехнулась.

- Мне нужно подумать, где раздобыть недостающую сумму, - нахмурилась я.

- У вас время до вечера, загляну к вам после ужина, - кивнул доктор и встал. - Интересно, - задержался он у двери, - вас будто подменили, Александра Николаевна.

- Я просто хочу жить, Карл Иванович, - я смело встретила его полный подозрения взгляд.

- Действительно, уважительная причина, - вздохнул он и, слегка склонив голову, покинул мою камеру.

Один, два, три… я потёрла ладонями напряжённые плечи и позволила себе облегчённо выдохнуть. Вроде всё прошло неплохо. Штейн выслушал меня, озвучил сумму. Это ли не победа?

***

День тянулся, как смола. Я то лежала на кровати и думала, то ходила из угла в угол, закинув руки за спину и продолжала думать.

Глаша принесла ужин около семи вечера, жидкий суп и чёрный хлеб, но на этот раз ещё и кусочек солёной рыбы, завёрнутый в тряпицу. Судя по смущённому виду девочки, это было что-то вроде личной инициативы.

- Спасибо, Глаша, - улыбнулась я мягко.

Она залилась краской до ушей.

- Это Марфа Семёновна велели, - пробормотала она себе под нос и немедленно принялась протирать и без того чистый стол.

Я ела, наблюдая за ней краем глаза. Глаша была из тех людей, которые не умеют сидеть без дела, руки сами находят работу: поправила скатёрку на тумбочке, переставила кружку, подняла с пола что-то невидимое, - всё это вполголоса бормоча что-то себе под нос, едва слышно.

- Как Дуняша? - спросила я.

- Жар спал немного, - отозвалась Глаша оживлённо, обрадовавшись поводу заговорить. - Марфа Семёновна отпаивает её липовым чаем. Карл Иванович пока не знают…

- Хорошо, - сказала я.

- Вы, барышня, правда думаете, что Дуняша поправится? - девочка наконец остановилась и посмотрела на меня с той прямолинейной серьёзностью, которая бывает только в юности.

- Если не гнать её в холодный коридор и дать отлежаться, вполне.

Глаша кивнула с видом человека, принявшего важное решение.

- Я скажу Марфе Семёновне.

Она собрала посуду, потопталась у двери. Я встала, взяла дядюшкин подарок и положила на поднос Глаши:

- Попейте чай с Марфой Семёновной.

- Ох, барышня, не можно…

- Можно, бери, - твёрдо посмотрела я на неё. Девчонка благодарно кивнула и вышла за дверь.

Штейн пришёл через полчаса после ужина.

- Александра Николаевна, - произнёс он без предисловий, - что решили?

- Тысячу рублей вам принесут через три дня после моего побега. - ответила я. - А точнее после моей кончины. Например, случился пожар в этой комнате, и тело станет неопознаваемым.

Он резко вскинул голову, явно не ожидая услышать подобное.

- Если я соглашусь, - произнёс медленно, - и вы меня обманете…

- Если я вас обману, - перебила спокойно, - донесёте Горчакову, что я сбежала, и он начнёт на меня охоту, и тогда мне не жить.

Доктор смотрел на меня несколько долгих секунд.

- Вы всё продумали, Александра Николаевна, не так ли? - с толикой восхищения произнёс он наконец.

- А как же, Карл Иванович, на том и стоим.

- Хорошо, - решился Штейн.

- Дуняшу я заберу с собой, - добавила я.

- Ту, больную служанку? - удивился он. - Зачем она вам? Я хотел завтра выставить её за порог.

- Жаль мне девчонку, - ответила, слегка покривив душой. И тут я преследовала свои цели: Евдокия может стать благодарной помощницей, за спасение жизни она будет мне верна. Во всяком случае, я очень на это надеялась.

- Что же, как хотите, - равнодушно пожал плечами собеседник. - Пусть тогда пока отлёживается. Как всё будет готово, я вам сообщу. Труп бродяги надо ещё достать, а это непросто. И не быстро.

Дверь закрылась, лязгнул засов.

***

Штейн пришёл за мной далеко за полночь через четыре дня.

Доктор заблаговременно передал мне чужое платье мышиного цвета, знавшую лучшие времена шаль, истоптанные ботинки и… пятьдесят копеек.

В коридоре ждала Дуняша, едва державшаяся на ногах.

- Идти сможешь? - тихо спросила я.

- Смогу, барышня, - прошептала она и вцепилась в мою руку.

Штейн провёл нас через хозяйственный двор, мимо дровяного сарая и помойной ямы, от которой отвратительно несло кислятиной и гнилью, к низкой калитке в дальнем углу ограды. Щёлкнул замок и Карл Иванович придержал калитку, чтобы мы вышли.

Он не сказал ни слова, лишь многозначительно на меня посмотрел, после чего тихо запер за нами дверь.

Ночь выдалась промозглой. Ветер налетал с Невы порывами, швырял в лицо мелкую колючую морось, трепал подол платья. Над крышами, в разрывах низких туч, изредка проглядывала бледная, с мутным ореолом, похожая на фонарь сквозь запотевшее стекло, луна. Потом тучи смыкались снова, и город погружался в густую тьму. Улица была пустой. Где-то за углом процокали копыта и проскрипели колёса экипажа. Фонари горели через один. Тени от столбов и арок ложились длинными полосами поперёк тротуара, и в каждой тени мне чудилось движение.

Я взяла Дуняшу крепче под руку и повела её вдоль стены.

Идти было тяжело. Булыжник под ногами блестел от дождя, местами проваливался в выбоины, полные холодной жижи. Моя спутница спотыкалась, хваталась за меня, и я чувствовала сквозь ткань жар её кожи. Она молчала, только дышала часто и неровно.

- Потерпи, - шепнула я.

Мотя жила на Васильевском и мне предстояло пересечь почти весь город, чтобы до неё добраться.

По набережной тянулся горький запах угольного дыма. Нам навстречу начали попадаться редкие прохожие, такие же закутанные по самую маковку, молчаливые и куда-то спешащие. На Невском было светлее, здесь фонари горели плотнее, и в их жёлтом свете поблёскивали витрины закрытых магазинов, мокрые афишные тумбы с размокшими клочьями бумаги.

Пролётка стояла у тротуара, лошадь мотала головой и фыркала, выпуская пар. Кучер дремал на козлах, нахохлившись под дождём, как старый ворон.

Дуняша покачнулась.

- Барышня, - пробормотала она, - простите, кажется, я…

Я перехватила её прежде, чем она осела на тротуар. Прислонила к стене, потрогала лоб. Горячий.

- Стой здесь, я мигом.

Она кивнула и обессиленно прикрыла веки.

Я подошла к пролётке и ласково погладила лошадь по холке. Кучер встрепенулся, заморгал.

- Куда везти, барыня?

- Васильевский остров, - ответила я. - Шестая линия.

Он быстро и цепко оглядел меня с козел и, прищурившись, назвал цену:

- Сорок копеек.

Я не стала торговаться, достала монеты и показала их мужику.

- У меня больная, вон там, у стены. Довези без тряски.

Кучер покосился в сторону Дуняши, потом молча слез с козел и помог мне довести её до транспорта. Служанка почти не соображала: шла, куда вели. Мы устроили её на сиденье, я прижала её к себе, кучер молча бросил нам на колени тяжёлую рогожу, пропахшую конским потом и сырой соломой, залез обратно и понукнул лошадь.

Пролётка, скрипнув, тронулась с места.

Я откинулась назад и позволила себе закрыть глаза на несколько секунд. Стук колёс по булыжнику отдавался в висках. Дуняша обмякла рядом. Ветер бил в лицо, донося до нас запахи реки.

Город проносился мимо тёмными громадами домов, редкими огнями в окнах, мокрыми отражениями фонарей в лужах и наполнял меня… тихой радостью.

Вырвалась. У меня получилось!

Надо бы решить, что делать дальше, но мысли против воли скользили куда-то не туда и я просто расслабилась, отпустив ненадолго ситуацию. Будет новый день, вот тогда и стану решать проблемы.

Пролётка катила по Невскому, потом свернула к мосту, и я почувствовала, как холод с реки ударил в лицо с удвоенной силой. Река в темноте угадывалась внизу по вспыхивающим и гаснущим бликам на водной глади.

Дуняша задышала глубже, я придерживала её, стараясь, чтобы её не трясло на поворотах, и думала о том, чем сможет помочь ей Мотя? Если верить воспоминаниям, бывшая няня неплохо разбиралась в лекарственных растениях, и она вполне могла сварить какую-нибудь целебную настойку…

Покатили по Васильевскому мимо приземистых домов и тёмных подворотен. Кучер придержал лошадь, обернулся.

- Прибыли, барыня, шестая линия. Дом какой?

- Здесь, - ткнула я наугад и добавила: - Помогите мне.

Он недовольно крякнул, сплюнул, но слез и подошёл к нам. Вместе мы вытащили Дуняшу из экипажа. Девушка сделала несколько шагов и повисла на моей руке. Кучер поглядел на неё с жалостью и сомнением, потом на меня и, пожелав доброй ночи, спешно уехал.

Я огляделась.

Выбрала ближайший к нам дом и шагнула к воротам. Кто-нибудь ведь должен знать Степаниду, раз она тут живёт?

Постучала сначала не сильно, подождала немного, никто не отреагировал. Резко выдохнув, забарабанила сильнее. И вот до меня донеслись приближающиеся шаркающие шаги.

- Кто там ещё на ночь глядя? - каркнули мужским полным недовольства голосом.

- Мне нужна Матрёна Ильинична, или кума её, Степанида, вы знаете, где они живут? - громко спросила я.

- И кто ж вы им будете, голубушка?

- Воспитанница я Матрёны Ильиничны, Александра.

- Обожди-ка…

Мужчина так же шаркающее удалился, но тишина не продлилась долго, вскоре я услышала другие шаги, легче и быстрее. А через мгновение дверь распахнулась.

Мотя стояла на пороге со свечой в руке. Постаревшая, с глубокими морщинами у глаз, между бровей и в уголках рта, в накинутом на плечи платке. Она смотрела на меня долгую секунду, потом у неё задрожали губы.

- Сашенька… - выдохнула едва слышно. - Господи милостивый…

- Мотя, - сказала я и почувствовала, как вдруг перехватило горло. - Боже, как же я рада тебя видеть! - и не скажу, что это были остаточные эмоции Саши, изрядная доля принадлежала

мне. Я, правда, искренне обрадовалась, увидев знакомое и дружелюбное лицо в этом неприветливом новом мире.

Глава 4

Мотя шагнула вперёд, обхватила меня свободной рукой, прижала к себе, от неё пахло хлебом и какими-то травами. У меня ещё сильнее перехватило горло, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не расплакаться в голос, как будто мне действительно двадцать лет, а не сорок пять.

- Мотя, - пробормотала я ей в плечо. - Всё хорошо, я выжила…

Она отстранилась, оглядела меня быстро, с ног до головы, как осматривают после драки: цела ли, не сломано ли чего.

- Худая-то какая, - прошептала она с болью. - Чисто тень. Господи, что они с тобой сделали…

- Всё потом, - мягко перебила я. - Мотя, Дуняше нужна твоя помощь, - сказала я и шагнула в сторону.

Служанка стояла, прислонившись плечом к мокрому забору, и едва держалась на ногах.

- Воспаление лёгких, ей срочно нужно в тепло и обильное питьё, - коротко объяснила я.

Няня не стала задавать вопросов, споро подхватила Дуняшу под локоть, мы пересекли небольшой дворик и поднялись по крылечку. Оказавшись в сенях, ненадолго задержались, скидывая обувь. Сени служили одновременно чуланом, на гвоздях висели тулуп и старый зипун, стояла кадушка с соленьями, с потолка свисали связки сушёных трав.

Из глубины дома появилась невысокая и упитанная женщина, преградившая нам путь. Она стояла и строго глядела на меня и Дуняшу.

- Степанида, это моя питомица, графиня Александра Оболенская, а это её спутница, Дуняша. Им обеим нужен временный кров, не откажи…

Хозяйка дома ещё немного помолчала, затем ответила:

- Ну, проходите, коль так. Места хватит, - после чего отступила, давая нам дорогу.

- Идёмте, - потянула нас Мотя за собой.

Дом у Степаниды состоял из трёх комнат.

Первая была самой большой и являлась одновременно и кухней, и столовой, и гостиной. Русская белёная печь с трещиной, заделанной глиной по боку, занимала добрую треть пространства. Перед печью орудовал кочергой, поднимая угли, сухонький старичок. Вдоль стены тянулся стол с двумя лавками, крепкий, из тёмного дерева, потемневшего от времени. У противоположной стены стояло два дубовых сундука, окованных железными полосами, - широкие и основательные. На одном из них лежал скатанный в рулон матрасик. На поставце у окна теснилась посуда начиная от глиняных горшков, заканчивая двумя берёзовыми туесками. В красном углу, по диагонали от печи, на полочке стояла икона, перед ней теплилась лампадка. Увидев образа, я вдруг перекрестилась - тело само вспомнило привычный жест, совершив его прежде, чем я успела об этом подумать.

Полы были крашеные тёмной охрой, с брошенными на них домотканными половиками.

Потолок низкий. Окна с наличниками маленькие, выходящие во двор.

Я усадила Дуняшу на лавку. Та привалилась к столу и закрыла глаза.

Мотя уже тащила из чулана тулуп.

- Фома Акимыч, воды поставь.

Старичок, не оборачиваясь, переставил горшок.

Дуняшу уложили на сундук, прежде раскатав тощий тюфяк, укрыли тулупом, подсунули под голову подушку. Она не сопротивлялась и, кажется, уснула раньше, чем её устроили поудобнее.

Мотя же всё суетилась: достала с поставца крынку, отсыпала трав, поставила горшочек на край печи. За всем этим она то и дело бросала на меня быстрые, полные тревоги взгляды, но молчала, понимая, что сейчас не время для расспросов.

Степанида тем временем собрала на стол без лишних слов и суеты. Большой горшок щей, от которого шёл такой умопомрачительный аромат, что у меня громко заурчал желудок, хлеб, нарезанный крупными ломтями, миска солёных огурцов, крынка с квасом.

- Садитесь, - обратилась к нам Степанида, ничего больше не добавив.

Мы сели, я и Мотя. Степанида примостилась с края лавки, налила квас в кружки. Старик тихо ушёл куда-то в другую комнату.

Я ела и поначалу думала только об одном, что нельзя слишком торопиться, иначе недолго подавиться, хотя тело требовало поглотить всё сразу, немедленно! Щи были жирные, с кислой капустой, с мозговой косточкой, разваренной до мягкости. Ржаной, плотный, хлеб отдавал приятной кислинкой. Благодаря горячей еде, меня чуть попустило, напряжение, которое последние дни жило где-то между лопатками и не давало выпрямиться до конца, отступило.

Мотя не лезла с вопросами, Степанида молча подливала квас.

Когда я отложила ложку, они обе посмотрели на меня: одна с открытой тревогой, другая с тем невозмутимым вниманием, что встречается у людей, привыкших видеть разное и не удивляться.

- Мотя, - начала я, вздохнув. - Степанида Кузьминична. Вы, полагаю, ждёте объяснений.

Степанида сложила руки на столе, Мотя замерла, вся превратившись в слух.

- Я умерла, - огорошив обеих женщин, позволила себе лёгкую улыбку. - И скоро об этом будут судачить на каждом углу. После сегодняшней ночи графиня Александра Оболенская перестанет существовать. До поры до времени… И никто, слышите, никто не должен знать, что это не так. Ни соседи, ни родня, ни тем более кто-либо, связанный с моим дядюшкой.

В воцарившейся тишине, звук треснувшего в печи полена вышел особенно громким. Мотя вздрогнула от неожиданности.

Няня медленно перекрестилась. Её кума смотрела на меня, впервые проявив яркие эмоции - сильно округлив глаза.

- И до какой поры? - шепнула Степанида.

- Так долго, пока я не буду готова, - отчеканила я.

Мотя накрыла мою руку своей ладонью и сжала, тем самым выразив мне свою безграничную поддержку.

- Насколько я могу доверять Фоме Акимычу? - и серьёзно посмотрела на Степаниду.

- Как себе, - не колеблясь ответила та.

- Позови его, чтобы поклялся.

Женщина кивнула и вышла, вскоре вернувшись с Фомой.

- Барышня зарок взять хочет, - тихо, с нажимом сказала ему Степанида.

Старик лишь тяжело выдохнул, будто на плечи ему положили мешок с овсом, и крупными узловатыми пальцами расстегнул медную пуговицу у ворота косоворотки. Запустил руку за пазуху и выудил массивный крест на засаленном гайтане.

- Дело, стало быть, такое, - начал он хриплым голосом, глядя не на нас, а в красный угол, где за лампадкой темнели образа. - Слов мудрёных я не разумею, а перед Господом ответ держать - это мне знакомо.

Широко с отмашкой перекрестился и, притянув крест к самым губам, приложился к нему с коротким стуком зубов о металл.

- Крест целую, - твёрдо произнёс он, глядя теперь прямо на меня. - Пока дышу, не выдам. А как умру, так с меня и взятки гладки, там уже Судия другой.

Спрятал крест обратно, аккуратно застегнул пуговицу. Для него вопрос был закрыт - договор скреплён печатью, которую самому дьяволу не взломать. И степенно поклонился, без подобострастия, уважительно.

Помолчали, затем за ним повторили обе женщины.

- Христом Богом клянёмся. Не выдадим.

Я смотрела на них троих. И сердце заливала тихая благодарность. Я точно знала, не предадут.

- Спасибо, - негромко выдохнула я.

***

Закончив с клятвами, Степанида снова вышла, чтобы вскоре вернуться с каким-то кафтаном и небольшой коробкой, села за стол и принялась шить.

- Жар сильный, - Мотя уже хлопотала подле Дуняши, провела ладонью по её лбу и нахмурилась. - Надо ей крепко пропотеть.

Горшочек с отваром был снят с края печи, и сейчас Мотя принялась процеживать лекарство через тряпицу в кружку.

- Тут липа, мать-и-мачеха и шиповник, - зачем-то сказала мне няня, после чего с трудом разбудила Дуняшу, та открыла мутные глаза, явно не понимая, где находится.

- Пей, - велела Мотя и приподняла ей голову.

Девушка послушно с трудом пила, морщась и плотно зажмурившись.

Затем Мотя принесла баночку с гусиным жиром и растёрла Дуняше грудь и спину, укрыла сверху тёплой фланелью и снова плотно завернула в тулуп.

- Поможет? - негромко спросила я, внимательно следя за её действиями.

- Хуже не будет, - отозвалась няня. - Ей надо пропотеть хорошенько. К утру посмотрим.

Я с сомнением на неё покосилась, потеть при пневмонии? Точно нельзя, но ничего не сказала. У Саши не было таких знаний, и пока не стоило пугать няню столь значительными переменами в любимой воспитаннице. Всё должно произойти постепенно… Когда Мотя уснёт, уберу тулуп с Дуняши.

- Степанида Кузьминична, - окликнула я женщину.

Она тут же на меня посмотрела.

- Порошок с салицилом достать можно?

Она помолчала, обдумывая.

- В аптеке, только это дорого.

- Я завтра с утра схожу на Восьмую линию, - подхватила Мотя, - куплю.

- Денег у меня пока нет, но я верну очень скоро, - постаралась говорить уверенно, на что собеседница лишь улыбнулась:

- Хорошо, - и вернулась к Дуняше, закончив с ней, подошла ко мне. Оглядела с ног до головы и, сев рядом, приказала:

- Открой рот.

Я послушно открыла.

- Горло красное, - констатировала она. - И сипишь сильно. Говоришь, как из-под земли.

- Пройдёт.

- Пройдёт, - согласилась Мотя и налила из того же горшочка вторую кружку. - Пей.

Одновременно горчило и было сладко благодаря мёду, я пила мелкими глотками и чувствовала, как жжение в горле немного отступает.

- Плечи расправь, - велела Мотя, пока я пила. Сама встала за спиной, положила руки на плечи и надавила привычно. - Вот так… Дышать легче стало?

- Да…

- Нынче ночью за тобой тоже буду следить, - объявила она.

Степанида отложила шитьё, встала и без лишних слов начала стелить на широком сундуке у стены. Вытащила из-под него сложенный тюфяк потолще первого, бросила поверх деревянной крышки, разгладила ладонью. Поверх тюфяка легло тяжёлое одеяло, набитое овечьей шерстью. Вместо подушки свернула старый полушубок и пристроила его в изголовье.

- Ложись, - кивнула мне.

Я не возражала.

Мотя задула лампу на столе, оставив только образную лампадку, та горела ровно, едва мерцая, бросая на стену маленький рыжеватый кружок. Я легла и натянула одеяло до подбородка. Тюфяк практически не смягчал твёрдость ложа, но это было совершенно неважно. Пахло овчиной и едва уловимо полынью, и это тоже сейчас меня совсем не напрягало.

Мотя тихо ходила по комнате, поправляла тулуп на Дуняше, шептала что-то - не то молитву, не то просто себе под нос. Степанида ушла в соседнюю комнату, где скрипнула кровать.

За окном утробно гудел ветер. Стекло подрагивало в рассохшейся раме.

Няня опустилась на стул у Дуняшиного сундука, поправила ей подушку и затихла. Я закрыла глаза, и последнее, что успела подумать, было что-то про сейф на Литейном и код: четырнадцатое марта девяносто…, но мысль не додумалась, растворилась, а я провалилась в сон раньше, чем успела за неё ухватиться.

***

Няня засобиралась на рынок рано, ещё до того, как в окнах показались полупрозрачные рассветные лучи. Я проснулась от её неторопливых сборов и следила за женщиной из-под полуприкрытых век, размышляя.

Очень скоро состоятся мои похороны, и я буду мертва по документам. И тогда снять комнату станет затруднительно, домовая книга требует паспорт. Наняться куда-либо не получится по той же причине. Купить что-то значимое или войти в любое присутственное место, значит, рисковать быть узнанной. Стоит кому-то из знакомых Горчакова увидеть моё лицо и сообщить ему, и вся конструкция рассыплется.

Но это ещё полбеды.

Диагноз никто не снял. Вот где настоящая проблема. Я не просто Александра Оболенская без бумаг, я Александра Оболенская с официальным освидетельствованием о нервическом расстройстве, подписанным двумя докторами. Стоит мне появиться где угодно и назвать своё имя, Горчаков скажет одно: беглая душевнобольная, уцелела при пожаре и в помрачении ума бродит по городу. А возможно, добавит кое-что похуже: что пожар устроила она сама, что бежала намеренно, тем и опасна. Эту его версию подкрепят бумаги, показания Штейна. Кому поверит чиновник или судья: уважаемому врачу или двадцатилетней девице с историей болезни?

Ответ очевиден, и он мне не нравился.

Значит, просто явиться и заявить о себе не выйдет. Во всяком случае нельзя этого делать именно сейчас.

В голове вырисовывался план действий: первое - мне нужны новые документы, второе - деньги. Много денег. На то, что у меня останется после сделки с доктором, а это две тысячи рублей, я смогу снять небольшое помещение, купить оборудование, открыть что-то скромное, например, чертёжное бюро, начать брать заказы и зарабатывать. Третье мне жизненно необходимо снять диагноз, обратившись к светилу науки, к человеку с весом и безупречной репутацией, которую Горчаков купить не сможет. Поискать специалиста в Москве? Или вовсе обратиться к иностранцам? Если честно, без разницы, лишь бы его имя было достаточно громким, чтобы перевесить Штейна и Фрезе.

Я потёрла занывшие виски, в горле стрельнуло.

— Сначала деньги, Штейн, затем документы, — просипела я наконец и встала со своей неудобной лежанки. Накинула на плечи шаль и вышла во двор, ретирадник нашёлся в дальнем углу за поленницей. Вернувшись, умылась над тазом из кувшина с ледяной водой, фыркнула от неожиданного холода и окончательно проснулась.

Дуняше к утру стало немного лучше, дыхание выровнялось, но жар, увы, не спал.

Я села за стол, передо мной поставили кружку горячего чая и тарелку с кашей.

Ела медленно и смотрела в окно, за невысоким забором была видна часть улицы. Деревянные дома здесь перемежались каменными, в два-три этажа, потемневшие от сырости, с подворотнями и палисадниками за деревянными заборами. Мостовая была мощёной, с колеями и выбоинами, заполненными вчерашней дождевой водой. По другой стороне улицы тянулся забор какого-то склада, за ним угадывались крыши сараев.

Прохожих было мало. Мужичок с метлой сгребал мусор у соседних ворот. Прошла баба с коромыслом, поставила вёдра на землю, перехватила поудобнее. Проехала телега, нагруженная досками, лошадь шла медленно, пофыркивая паром.

Обычное утро, которое сейчас казалось мне самым чудесным на свете.

Степанида поставила на стол хлеб и крынку с молоком, устроилась напротив. Старик тоже сел, приступил к завтраку.

Мотя вернулась, когда печь уже вовсю гудела. Вошла в сени, поставила корзину, долго снимала намокший платок.

- На Выборгской сказывают, - начала наконец она, - пожар был ночью. В лечебнице у Штейна-то… Две комнаты дотла выгорели, вместе с жильцами.

Степанида у печи замерла. Ухват так и остался в поднятой руке.

Я поставила кружку на стол.

- Вот и умерла графиня Оболенская.

Огонь в печи уютно потрескивал, а мне хотелось по-дурацки улыбнуться и вообще рассмеяться: Штейн выполнил свою часть сделки!

Няня прошла к столу, опустилась на лавку и уставилась в столешницу. Потом подняла глаза на меня.

- Сашенька… как же теперь?

Я не ответила сразу. Посмотрела в окно, по дороге мимо дома брёл какой-то мужик с мешком на плече, и думала о том, что теперь у меня есть время. Горчаков будет убеждён, что племянница сгорела. Значит, искать не станет.

Сколько у меня этого времени неизвестно, но всяко больше, чем было ещё вчера утром.

Я отпила чай и поймала своё отражение в тёмном стекле. Жгучая брюнетка с серыми глазами. Узнаваемая, даже слишком.

Вот это надо менять в первую очередь.

Перекись водорода в петербургских аптеках уже продавалась, я знала это совершенно точно из какого-то читанного мимоходом текста про историю косметологии: осветление волос перекисью практиковали уже в конце девятнадцатого, сначала в парикмахерских, потом и дома. Жгучую брюнетку за один раз не сделаешь блондинкой, волосы уйдут в рыжину, в тёмный мёд. Но тёмный мёд - это уже не жгучая брюнетка…

Другой цвет волос и иная одежда, и от Александры Оболенской мало что останется. Просто молодая женщина из множества.

Я отвернулась от окна к няне:

- Мотя, скажи, здесь в округе есть парикмахерская?

Она растерянно моргнула, вопрос явно был не тот, которого она ждала.

- Есть, на Седьмой линии. А тебе зачем?

- Хочу перекраситься. В аптеке продают перекись водорода, ею осветлю волосы. Не в белый, но из чёрного уйти можно.

Степанида обернулась от печи:

- В рыжую выйдешь, - коротко заметила она.

- Пусть так, всё лучше, чем сейчас.

Хозяйка дома согласно кивнула, и вернулась к своему занятию.

Мотя поджала губы, но спорить не стала. Она уже поняла, что прежняя Сашенька, которую она нянчила, кормила с ложки и укладывала спать со сказками, выросла в ту, которой сказки давно не нужны. И это её одновременно пугало и, кажется, чуть успокаивало.

- Что же они с тобой сотворили, девочка моя, что ты столь переменилась?

- Пытали, Мотя, убивали меня четыре месяца… Да не вышло, как видишь, и они поплатятся за свои изуверства, даю слово, - хищно оскалилась я, заставив няню вздрогнуть. - Порошок купила для Дуняши? - сменила тему я.

- Да-да, - тут же подскочила она, - сейчас разведу и дам бедняжке.

- Степанида, бумага найдётся? И чернила? - спросила у женщины, пока няня суетилась над больной.

- Найдётся, погодь, принесу.

Я молча кивнула.

Нужно написать письмо, благодаря которому Штейн не станет меня сдавать. Я предполагала, как мыслит доктор: он выждет эти три дня, чтобы получить от меня обещанную сумму, а потом пойдёт к Горчакову, чтобы что? Чтобы сказать, что у него есть информация о Сашеньке. Князь начнёт поиски сбежавшей племянницы и убьёт её. Моя смерть, увы, выгодна и Штейну.

Мысли перескочили на другое: как теперь быть с возвратом контроля над имуществом? Как быстро вступит дядя в наследство?

Александра не оставила завещания, она «умерла» внезапно. Значит, наследование идёт по закону. Прямых наследников нет. Кроме Горчакова двоюродного дяди по материнской линии, у неё ещё есть такой же дядя, но по линии отца, живущий в Иркутске. Он может приехать и тоже заявить права на имущество Саши.

В любом случае я точно не знала, успеет ли Горчаков вывести средства до появления Михаила...

Сашу всю жизнь, как единственного ребёнка, оберегали от бед, она жила в мире, где нет проблем. Девушка мало интересовалась друзьями отца, его работой и деловыми связями. Я пыталась собрать из обрывков её воспоминаний хоть что-то полезное, но получалось откровенно плохо. И вставал закономерный вопрос, а насколько этим людям можно доверять? Рисковать наугад означало потерять всё.

Но одно имя, так же всплывшее в памяти, внушало надежду, отец всегда говорил об Илье Петровиче Громове с непередаваемым уважением. Мне нужен юрист, и Громов подходил идеально.

***

Милостивому Государю Господину Редактору «Петербургскаго Листка».

ЗАЯВЛЕНІЕ

Я, графиня Александра Николаевна Оболенская, сим извѣщаю, что съ [число] мая сего года противу воли моей содержалась въ частномъ заведеніи доктора К. И. Штейна. Помѣщена я была туда по воле моего попечителя, князя Горчакова, единственно съ цѣлью корыстною, ради удержанія контроля надъ моимъ родовымъ имуществомъ.

Свидѣтельствую, что діагнозъ «нервическая горячка» есть ложь и злонамѣренный сговоръ. Докторъ Штейнъ, по предварительному соглашенію съ княземъ, подвергалъ меня истязаніямъ, именуемымъ «леченіемъ»: ледянымъ ваннамъ и лишенію разсудка посредствомъ сомнительныхъ снадобій.

Настоящимъ подтверждаю, что сего числа мною лично передана доктору Штейну сумма въ одну тысячу рублей за содѣйствіе моему удаленію изъ стѣнъ лечебницы.

Если сіе письмо попадетъ въ Ваши руки, значитъ, меня болѣе нѣтъ въ живыхъ, либо я вновь лишена свободы. Въ моей смерти прошу винить князя А. Д. Горчакова и доктора К. И. Штейна, ставшаго его платнымъ пособникомъ.

Графиня Александра Оболенская

[Дата]

***

Я перечитала написанное и невольно усмехнулась, откуда это всё взялось: «сим извѣщаю», «противу воли моей», твёрдые знаки в конце слов? Память тела, иного объяснения я не видела.

Что же, осталось добыть деньги отца и заняться вопросом легализации.

Глава 5

После обеда Степанида сходила за перекисью. Вернулась с двумя аптекарскими бутылочками с плотной пробкой. По обыкновению молча поставила на стол. Я вскрыла флакон и понюхала, тут же сморщившись, запах был не из приятных.

Мотя наблюдала за мной с нескрываемым любопытством.

- Волосы тебе не жаль?

- Жаль, - вздохнула я, - но делать нечего. Хоть такая, но маскировка.

Кроме перекиси, Степанида принесла ещё три плоских жестяных баночки с красками для театрального грима: светло-телесный, коричневый и серый; один бумажный пакетик с рисовой пудрой и маленький стеклянный флакон с бурой смолистой мастикой и тёмно-каштановые, из натурального волоса, коротко подстриженные накладные усы в папиросной бумаге.

Мотя повздыхала, но сходила в сени и притащила старый жестяной таз, тряпьё, которое не жалко, затем встала у порога с видом сильно осуждающего меня человека. Дуняше, к моей радости, после жаропонижающего стало значительно лучше, она даже бульон куриный выпила, а это уже хороший знак. Фома Акимович ушёл куда-то с час назад и ещё не вернулся.

Я расплела криво обрезанные волосы, интересно, кто так "расстарался"? Расчесала гребнем, намочила прядь из кувшина, отжала. Потом аккуратно, стараясь не расплескать, начала наносить перекись, прядь за прядью, от корней к концам. Работа была монотонной, руки скоро начали ныть от непривычного положения. Запах бил в нос, Мотя молчала, не пытаясь мне помочь.

- Пахнет неприятно, - проворчала она.

- Ничего, потерплю.

- Скажи ещё, что невредно.

- Не смертельно, - поправила я, не сдержав улыбки.

Степанида тихо хмыкнула, сидя за столом и что-то штопая.

Закутав голову тряпкой, принялась ждать. Надо выдержать хотя бы полчаса, потом смыть, при необходимости повторить.

Дуняша что-то пробормотала во сне и замолчала. Мотя, так и не отойдя от окна, сказала в темноту за стеклом:

- Какая была коса у тебя в детстве, до пояса. Маменька твоя так гордилась… царствие ей небесное.

Я не ответила, мне просто нечего было ей сказать.

Когда смывала в тазу, вода пошла тёмная, закончив, обернулась к женщинам:

- Ну как?

- В рыжую ушла, - покивала Степанида. - Но надо бы повторить, чтобы ярче стало.

- Хорошо, - поняла я и потянулась за второй бутылочкой.

Горло отчего-то саднило всё сильнее, в висках стучало от запаха перекиси и от усталости, и я была вполне готова лечь прямо здесь, недоделав дела с покраской, но приходилось терпеть, время поджимало, Штейн не будет ждать дольше оговорённого срока.

Волосы высохли к ночи, а поутру я разглядывала в тусклом зеркале над умывальником незнакомую женщину с рыжей, слегка неровной, местами светлее, местами темнее копной волос. Осталось нанести макияж, и меня будет не узнать.

Увы, горлу лучше не стало, оно разболелось ещё сильнее. Я старалась не глотать без нужды и не разговаривать. Степанида поставила передо мной кружку с отваром Моти, я взяла её и выпила мелкими глотками, пока слёзы не выступили сами собой от жжения. Вместе с настойкой мне выдали порошок с салицином, завёрнутый в клочок бумаги.

- И не думай никуда идти, - добавила она без предисловий. - Неделю хоть полежи.

- Мне нужно послезавтра отдать деньги Штейну, время против меня.

- Охохонюшки, - расстроенно вздохнула няня.

- Иначе он пойдёт к Горчакову и тот начнёт на меня охоту. А я жить хочу, и вернуть своё.

Степанида вошла из сеней, вытирая руки о передник.

- Степанида Кузьминична, - позвала я. – Есть ли у вас что-то из мужской одежды? Что на мне мешком висеть не будет? Или спросить у соседей?

Она помолчала, раздумывая, после печально вздохнула и ушла к себе в комнатку.

- Вот это вещи моего сына, - вернувшись к нам, женщина положила на стол стопку одежды: суконные брюки, рубашка, старый картуз, довольно поношенный, но крепкий пиджак неопределённого серо-коричневого цвета. - А зачем тебе?

- Нужно войти в один дом так, чтобы меня никто не узнал, к тому же в платке и дешёвом платье меня могут туда и не пустить. В мужской одежде всё же шанс повыше будет.

- Понятно. Тихон тощий был, да в плечах узок, тебе почти впору будет его одёжа, - прокомментировала Степанида.

Я благодарно ей кивнула. Позже Мотя рассказала мне про Тихона. Умер десять лет назад от горячки. Степанида тогда слегла следом, выходили еле-еле, Мотя была его крёстной, и тоже сильно горевала по нему.

Туго обмотав грудь, принялась переодеваться. Брюки пришлось подвернуть на два пальца, пиджак оказался в самый раз. Скрутила волосы в узел, закрепила шпильками повыше. Села перед зеркалом. Что же, краситься я всегда умела и любила. Пора стать бледной молью.

Открыла баночку с телесным гримом, растёрла пальцами, масса размягчилась быстро и легла на кожу ровно и плотно. Скулы исчезли, лицо стало плоским и невыразительным, как загрунтованный холст.

Настал черёд коричневого, мизинцем, очень аккуратно, прошлась по верхнему веку, создавая тень, будто мои глаза глубоко посажены, растушевала пальцем. Отодвинулась от зеркала, чтобы проверить, какой эффект будет на расстоянии. Глаза ушли вглубь и потускнели. Просто прекрасно!

Серым прошлась по впадинам под скулами, тронула виски.

Взяла пудру и легко прошлась ей, закрепляя грим, чтобы не было лишнего блеска.

Настал черёд мастики, нанесла тонкую полоску над губой, подождала и приложила усы, прижала на несколько секунд. Подёргала верхней губой, чтобы убедиться, что никуда ничего не свалится, встала, сделала шаг от стола и оценивающе глянула в зеркало ещё раз.

Бледная моль смотрела на меня из отражения: молодой человек лет двадцати пяти с тёмными усиками и усталыми глазами. Надела картуз и повернулась к замершим женщинам:

- Ну как? - спросила я, чуть ссутулившись, голос хрипел так, что и притворяться не надо.

Мотя охнула, попятилась и торопливо перекрестилась:

- Свят, свят… Александра Николавна, даже я не признала бы тебя, ей-богу, не признала.

Степанида согласно кивнула и слегка улыбнулась, тут же став чуточку другой, показав мне, что за маской необщительной вдовы скрывается кто-то добрый и ласковый.

- Я с тобой пойду, - вдруг заявила она, сильно меня удивив, я вопросительно вскинула брови:

- Зачем? Это может быть опасно.

- Расскажи толком, что замыслила, - вместо ответа попросила она. Я пожала плечами и рассказала.

- Ясно, - покивала кума Моти, - тогда я тебе точно подсоблю. Займу управляющего разговором, пока он будет со мной, ты поднимешься в кабинет отца, под видом, что надобно в уборную. Сделаешь что нужно, вернёшься ко мне.

Я задумчиво посмотрела на неё: а ведь прекрасный вариант! Куда лучше моего.

- А давай я пойду, - вызвалась Мотя.

- Нет, сиди. Я тебя знаю, ляпнешь ещё чего лишнего. - сказала как отрезала Степанида, - коли к вечеру не придём, ты знаешь, что делать.

- Ох, Боженька, помоги… - выдохнула няня и не стала возражать, вместо этого подошла ко мне и поправила картуз, потянув поля вниз и набок. Отступила, оценивающе посмотрела.

- Горло смажь жиром перед выходом, - велела она. - И говори поменьше.

- Буду молчать как рыба.

За окном мочил брусчатку мелкий октябрьский дождь. Небо висело серым плотным войлоком. Хорошая погода для человека, который хочет остаться незамеченным. Мотя выдала мне свой зонт, и вот мы с одетой в выходное платье Степанидой Кузьминичной покинули дом.

До остановки конки шли молча. Я, специально сутулясь, шагала чуть позади Степаниды и держала зонт над нами обеими.

Двухэтажный, тёмно-жёлтый вагон, с впряжёнными в него лошадьми подошёл через несколько минут. Степанида полезла внутрь, я следом. Мастеровые покосились на нас и тут же потеряли интерес. Конка, громыхая, тронулась.

Степанида сунула кондуктору монеты за проезд. Внутри было тесно, сильно пахло табаком. Наконец-то сели, напротив нас дремал мужик в местами облезлой лисьей шубе, рядом с ним клевала носом старуха с корзиной. За мутным окном тянулись линии Васильевского: доходные дома, мелочные лавки… Всё серое и мокрое.

Конка замедлилась на Николаевском мосту, по Неве вверх по течению, низко сидя в воде, тянулась баржа. На другом берегу вагон снова загромыхал веселее, покатил по Конногвардейскому бульвару. Пришла пора выходить, и я тронула Степаниду за рукав.

До Литейного осталось минут пятнадцать пешком.

***

Степанида вошла в парадную первой, я прошмыгнула следом, всё так же держась позади колоритной фигуры спутницы.

В парадной пахло известью и булками, пол был каменный, лестница уходила вверх широким маршем, перила чугунные с простым рисунком. Слева от нас была дверь конторы, за толстым стеклом смутно угадывалась фигура, сидевшая за столом.

Моя помощница прошла вперёд и толкнула дверь конторы, прежде изучив табличку на ней.

За столом сидел пожилой мужчина с аккуратно подстриженными баками, в тёмном сюртуке. Он поднял голову от своих бумаг и вопросительно на нас посмотрел.

- Доброго дня. Чем могу служить?

- День добрый. Захар Никифорович? - напористо спросила Степанида. - Мне сказали, у вас есть свободные комнаты? Хотела бы поговорить насчёт аренды.

Управляющий тут же выпрямился, улыбнулся:

- Присаживайтесь. Какие у вас требования?

Степанида подошла к столу, села на край стула и завела обстоятельную беседу. Минуты через две, я вступила в игру:

- Тётушка, что-то живот скрутило… Захар Никифорович, можно мне в ватерклозет? - просипела я больным горлом.

Он поморщился, но, покосившись на перспективную клиентку, всё же согласно кивнул:

- Второй этаж, в конце коридора направо.

- Благодарствую…

Дверь конторы закрылась за мной. За стеклом Степанида продолжала что-то спрашивать про окна и отопление, я же лихо взбежала по лестнице на второй этаж. Запасной ключ был, к моему великому облегчению, на месте. Он лежал в небольшом выступе над дверным наличником, справа. Пришлось встать на цыпочки, чтобы достать.

Тихо скрипнула дверь, и я вошла в помещение.

Комната была большой, с двумя окнами на проспект, с высоким потолком. По стенам развешаны чертежи, прикреплённые кнопками, карта железных дорог, исчерченная карандашными пометками. У окна стоял массивный с откидной крышкой письменный стол.

Тут и там на полу валялись пустые коробки, и вообще всё пространство выглядело разворошённым, будто кто-то рылся в вещах, при это стараясь быть аккуратным.

Горчаков или его подручный уже побывал здесь.

Губы сами собой изогнулись в ехидной усмешке: сейф они при всём желании вытащить из кабинета не смогли бы, тот был намертво вмурован в стену. И вскрыть тоже непросто, мороки много.

Я прошла вдоль стены, рассматривая чертежи. Отец Александры был прекрасным инженером, линии твёрдые и чистые, размерные цепочки без единой помарки.

На узкой полке между окнами стоял небольшой фотографический портрет в деревянной рамке. Я взяла его в руки, чтобы рассмотреть детали.

Мужчина в рабочей куртке замер подле паровоза в горделивой позе, опираясь локтём о борт котла. Лицо с полоской сажи на щеке, с широкой и счастливой улыбкой. Николай Оболенский проходил практику помощником машиниста во время учёбы и часто рассказывал дочери, какие интересные и весёлые были те времена.

Я моргнула, и слеза сорвалась с ресниц. Саша очень любила папу, и сейчас её боль стала моей собственной. Стараясь совсем уж не расклеиться, посмотрела в окно, чтобы выровнять дыхание, слёзы попортят макияж, нельзя… нельзя… Осторожно промокнув щёки рукавом пиджака, поставила портрет на место и повернулась к сейфу с круглым барашком замка.

Картина с пейзажем в тяжёлой раме, раньше его прикрывавшая, стояла на полу, прислонённой к ножке стула, м-да, даже не потрудились повесить её обратно.

Подошла к сейфу, вмурованному в стену заподлицо.

Набрала четыре цифры.

Тихий щелчок был мне ответом. Затаив дыхание, потянула дверцу на себя.

На нижней полке лежала пачка кредитных билетов, перетянутая бечёвкой. Внушительных размеров листы, почти вдвое больше ладони, желтели плотной бумагой и переливались знаменитой радужной сеткой от розового до светло-голубого. На просвет в овальном окне проступил строгий профиль императрицы Екатерины II. Рядом выстроились аккуратные столбики серебряных полтинников. На верхней полке нашлись четыре плотных запечатанных конверта и тонкая тетрадь в клеёнчатом переплёте.

Скинув с плеч мешок, принялась всё это добро закидывать в его нутро.

Закончила быстро, закрыла сейф.

Портрет отца тоже забрала, прежде завернув его в чертёжный лист. Затем тихо покинула кабинет, заперла дверь, в этот раз ключ положила себе в карман, мало ли, пусть будет при мне.

Добежав до лестницы, притормозила, отдышалась, и принялась не спеша спускаться, словно действительно шла из уборной.

Едва не насвистывая от переполнявшей радости, чуть не пропустила тихие шаги снизу, кто-то поднимался мне навстречу. Я шустро прижалась к правой стороне, уступая дорогу, опустила голову, поправила картуз. Вот со мной поравнялся мужчина, с зажатой под мышкой кожаной папкой. В памяти всплыл образ… И я узнала этого человека. Дмитрий Рыбаков, помощник Горчакова, он всегда ходил вот с этой папкой, подобострастно улыбался князю и, с плохо скрываемой похотью, глядел на Сашу.

Я почувствовала, как Дмитрий скользнул по мне взглядом, задержался, всё внутри меня на долю секунды обмерло, дыхание сбилось… Тук… тук… тук… и продолжил подниматься.

На негнущихся ногах дойдя до нижней площадки, остановилась и обессиленно прижалась спиной к стене, закрыла глаза. Сверху шаги всё удалялись, скрипнули петли, хлопнула дверь.

Медленно выдохнув, пошла дальше, стараясь унять непонятно откуда возникший тремор в кончиках пальцев. Заглянула в контору. Степанида Кузьминична всё ещё сидела напротив управляющего, тот что-то объяснял ей про печное отопление. Я встала у дверного косяка, мол, тётушка, долго вы ещё? Женщина всё правильно поняла, но торопиться закруглить беседу и не подумала:

- Прошка, подь в коридоре обожди, не видишь, важное обсуждаем.

Я пожала плечами как можно беззаботнее и пошла туда, куда послали. Ждать Степаниду сильно долго не пришлось, минут через десять дверь конторы снова открылась и из неё шагнула кума.

- Захар Никифорович, мне нужно подумать до завтра, - при этом говорила она.

- Да-да, буду ждать вашего решения, рад был знакомству, - услышала я ответ управляющего.

Ещё минута и вот тяжёлая дверь парадной с негромким хлопком закрылась за нами, холодный воздух Литейного ударил в лицо, дождь закончился и пахло непередаваемой свежестью. Напряжение медленно отпустило.

Ускорились и зашагали в сторону Невского. Я машинально поправила лямку тяжёлого заплечного мешка.

- Получилось, - шепнула Степаниде, которая довольно кивнула в ответ.

На Невском я полезла наверх, кума Моти покосилась на меня и промолчала.

С империала Невский был другим, отсюда, сверху линия фасадов один за другим выстроилась во всю длину: Гостиный двор с его бесконечной аркадой, строгий куб Публичной библиотеки на углу Садовой, дальше купол Казанского собора, тёмный на фоне серого неба, колоннада в два ряда охватывала площадь полукругом.

Конка свернула на Конногвардейский бульвар. По обе стороны потянулись аллеи с облетевшими липами. Слева длинный фасад Конногвардейских казарм, строгий классицизм, ни одного лишнего украшения. Справа открылась Исаакиевская площадь, и собор навис над ней всей своей внушающей трепет громадой.

Надвинув картуз пониже, подняла воротник повыше, горло резало всё сильнее, при каждом сглатывании морщилась от боли.

Добрались до дома к обеду. Мотя встретила нас в сенях, молча отступила, пропуская внутрь, и только потом с непередаваемым облегчением выдохнула. Я скинула сапоги, прошла в комнату. Дуняша спала, выглядела куда лучше, чем два дня назад. Фома Акимович сидел в углу, чинил что-то, поднял голову и кивнул нам обеим. Степанида сняла платок и повесила его на крюк, после чего со словами:

- Надо бы курицу в горшке к ужину поставить, - пошла к себе, чтобы переодеться.

Я же, сбросив пиджак и картуз на скамейку, опустила мешок на стол, развязала горловину, вынула всё по одному и разложила перед собой.

Первым делом занялась деньгами: тридцать листов кредитных билетов. Три тысячи рублей. К ним тяжёлые серебряные полтинники. Четыре конверта, каждый запечатанный сургучом, без всяких надписей. И тетрадь в клеёнчатом переплёте.

Устроившись за столом, первым делом раскрыла именно её. Листы были исписаны убористым почерком, с аккуратными сносками на полях. Столбцы с числами, датами, комментариями и именами. Сверху первой страницы одна строчка была подчёркнута дважды: «Расхождения по управлению. С марта 1891».

Мотя подошла неслышно, встала рядом, заглянула в тетрадку.

- Почерк твоего батюшки, Николая Александровича, светлая ему память, - заметила она тихо.

- Да, его, - кивнула я, подняла руку и резко оторвала надоевшие и щекотавшие усы. - Мотя, мне нужен шустрый паренёк, такой, которому можно доверять, чтобы доставил записку Штейну.

- Есть такой, когда позвать?

- Через пару часов, хочу немного отдохнуть, - просипела я.

Голова болела нещадно, и я, убрав добытое богатство назад в мешок, перебралась на свой сундук. Сама не заметила, как забылась тяжёлым, беспокойным сном.

Глава 6

Мотя разбудила меня через два часа, но сил встать и черкнуть записку Штейну у меня не нашлось. Я с трудом отрицательно качнула головой и снова сомкнула горящие огнём веки. Слабость была запредельной, как и жар. По ощущениям все сорок, я помнила это состояние по гнойной ангине, которой однажды болела.

В итоге проспала до самого вечера. Проснулась от жуткой жажды, попросила пить и надо мной тут же возникло полное тревоги доброе лицо няни.

Мотя зашуршала рядом, что-то приговаривая и втирая какую-то мазь то в шею и грудь, то в ноги.

С трудом выпив жаропонижающее, откинулась на подушку. Пытаясь снова уснуть, подумала о том, что мир всё же не мой, а некая параллельная реальность. Для начала не все здания шли в том порядке, в каком они должны быть, затем моя фамилия. Оболенские ведь князья, а я графиня… Высока вероятность, что просто однофамильцы, получившие графский титул по именному пожалованию за заслуги.

Жаль только, что в этом мире нет магии… эта мысль заставила губы дрогнуть в улыбке…

Разбудили меня часы, тихо пробившие десять ударов где-то в глубине дома. Я полежала ещё минуту, прислушиваясь к себе. Жар спал, но голова всё равно была тяжёлой и горло саднило, и где-то в груди затаился сухой кашель, готовый вырваться при первом же глубоком вдохе. Ладно, жить можно.

Осторожно сев, дождалась, пока мир перестанет покачиваться, и встала. Мотя помогла тепло одеться и вместе со мной, как с маленькой, вышла во двор. Сделав свои дела, вернулась в дом и подошла к умывальнику. Посмотрела в зеркало, где отразилось бледное лицо с тёмными кругами под глазами и полосками краски для грима, видно, няня пыталась его оттереть, пока я спала, да не особо получилось. Тщательно умывшись, села за стол. Мотя подхватила гребень и расчесала мои жёсткие после окрашивания волосы. Как только она закончила заплетать мне косу, я наконец-то написала короткую записку Штейну, что буду ждать его сегодня в парке в два часа дня. Запечатала и вручила няне.

- Передай шустрому мальчишке, пусть отнесёт на Выборгскую сторону, в лечебницу Штейна, - положила на стол полтинник, - разменяй у лавочника и дай «бегунку» гривенник за работу.

- Сделаю, Сашенька, не волнуйся, - понятливо кивнула няня, забрала монету и молча вышла из дома.

Степанида, дождавшись, пока я закончу, поставила передо мной глиняную кружку, наполненную янтарным бульоном, с плавающими золотыми кружками жира, рядом положила кусок хлеба. Я грела руки о кружку и маленькими глотками пила горячее, когда зашевелилась Дуняша на своём сундуке. Заохала, закашлялась, но кашель уже был влажный, а это неплохой признак. Сонно заозиралась и тут увидела меня, улыбка озарила её измождённое вытянутое лицо.

- Доброе утро, - улыбнулась я в ответ. - Как ты себя чувствуешь?

Она, не спеша, села, потянулась, разминая мышцы.

- Всё хорошо, Александра Николаевна, слабость немного. Я ещё вчера хотела с вами поговорить, да только вы слегли и метались в жару. Матрёна Ильинична мне рассказала, что знала, я так понимаю, что меня выставили на улицу и вы меня спасли?

- Да, Штейн тебя рассчитал. И я решила взять тебя с собой, - кивнула я.

- Спасибо, Александра Николаевна!

- А ну, отставить слёзы! – шутливо погрозила я ей пальцем, видя, что ещё немного и девушка расплачется.

Дуняша сморгнула набежавшие слёзы, судорожно вобрала в себя воздух, лицо у неё скомкалось по-детски некрасиво, она закрыла рот ладонью, пытаясь удержать то, что рвалось наружу. И всё равно не удержала…

Степанида подошла к ней, села рядом, приобняла за подрагивающие хрупкие плечики и погладила по спутанным тёмным волосам.

- Будет тебе, не плачь, - негромко приговаривала она, - давай лучше поешь, бульон куриный он такой, лечит любую хворь. Давай подсоблю, ага, вот так…

- Баряшня-я, я всю жизнь никому не была нужна, померла бы и похоронить некому… А в-вы с-спасли меня… Я жизнью вам обязана, вам и всем в этом доме! До смерти за вас Бога молить буду, Александра Николаевна. Вот вам крест.

- Не надо креститься, - сказала я. - Поешь лучше. Ответственность за твоё будущее я взяла на себя. Ты больше не одна, помни об этом.

Она отёрла щёки тыльной стороной ладони и несмело улыбнулась, затем встала, оделась и вышла на улицу.

Я посмотрела в окно, как она стоит посреди двора, подняв лицо к небу, и думала, что приняла верное решение, забрав девушку с собой.

***

Никольский рынок я выбрала не случайно. Чужой берег и район, мещане и сезонные рабочие, в общем, публика, которой нет ни до кого никакого дела. Штейну туда ехать через весь город, мне на конке через Николаевский мост всего двадцать минут.

Тёмно-серое невзрачное платье Моти оказалось широковато в плечах и длинновато, в итоге подкололи юбку изнутри.

Сидя перед зеркалом, я растирала по скулам пудру, чтобы стать бледной молью, затем добавила под глаза теней. На голову, закрыв лоб, повязала красный платок, второй, серого цвета, сунула за пазуху, туда же отправился пакет с деньгами, перетянутый бечёвкой.

- Жаропонижающее, - засуетилась Мотя и положила передо мной бумажку с порошком. Пришлось выпить горькую гадость и заесть ложкой мёда.

- Ладно, - выдохнула я. - Вернусь к четырём.

Няня перекрестила меня в спину. Степанида Кузьминична повторила за ней, Дуняша пожелала доброго пути, и я покинула дом.

День выдался неожиданно ясным: бледное солнце даже немного грело, а редкие белоснежные облака украсили небосвод.

Направилась к конке не торопясь, опустив глаза в землю. Я самая обычная мещанка, каких здесь сотни…

Никольский рынок встретил меня гулом и пёстрой толчеей: горластые торговки, скрип колёс, чей-то смех из-за угла, а также запахами: горячие капустные пироги из обжорного ряда мешались с прелой рогожей и лошадиным навозом.

Двухэтажное здание с тяжёлыми аркадами тянулось вдоль Крюкова канала, в арочных проходах сновала пёстрая толпа. У деревянных столов под навесом каменщики, маляры, плотники в заляпанных известью зипунах хлебали что-то горячее, не снимая картузов, и не обращали внимания ни на что вокруг. Мальчишка-разносчик протискивался сквозь толпу с лотком на ремне, чуть поодаль мужик в тулупе торговался с бабой за охапку дров, голос у него был зычный, но и баба не уступала. Над всем этим возвышалась стройная колокольня Николы Морского, её купол загадочно поблёскивал в скупом октябрьском свете.

Я остановилась у крайней арки, сделала вид, что разглядываю связки сушёного гороха на лотке, и стала ждать.

Штейн появился ровно в два. Он выделялся в этой толчее, точно ворон среди серых петербургских галок. Чёрное пальто с бархатным воротником, цилиндр, трость с набалдашни-

ком - всё нарочито дорогое. Мужчина шёл с высокомерным достоинством, и народ невольно расступался перед ним, давая дорогу и не смея коснуться.

Когда он прошёл мимо, двинулась следом, а когда расстояние между нами стало чуть меньше метра, тихо окликнула:

- Карл Иванович.

Он остановился и медленно обернулся. Оглядел меня с ног до головы холодными карими глазами и улыбнулся, тоже с прохладцей:

- Александра Николаевна.

- Отойдём.

Мы прошли под аркой во внутренний двор, туда, где было потише. Серые стены давили, запах гнилой соломы и кислого пива забивались в нос. Кошка при виде нас мявкнула и спрыгнула с бочки, метнувшись за угол. Людей, к моей радости, тут почти не было.

Я достала пакет из-за пазухи и протянула врачу.

- Позволите?.. - приподнял брови.

- Настаиваю, - кивнула я, после чего он развернул бумагу и пересчитал деньги.

- Всё точно, - удовлетворённо заметил он и, убрав деньги во внутренний карман пальто, развернулся, чтобы уйти.

- Карл Иванович, погодите. Это ещё не всё, - остановила я его. - Я хочу прояснить между нами одну вещь. Чтобы не было недопонимания в будущем.

Он снова повернулся ко мне и согласно кивнул:

- Слушаю.

Выдержав паузу, заговорила нейтральным тоном:

- Если со мной что-то случится, если я внезапно исчезну, то три написанных мной письма отправятся к своим получателям. Одно в редакцию «Петербургского листка». Другое прокурору окружного суда. Третье - моему родственнику. Во всех них подробно изложено всё, что со мной произошло за последние полгода. Кто, когда, за сколько и каким образом содействовал побегу пациентки из частной лечебницы, где та содержалась против воли. Всё описано по датам, со всеми подробностями.

Штейн замер, только желваки чуть обозначились под аккуратной бородкой.

- Это не угроза, - добавила я. - Условие, при котором мы оба спокойно живём дальше. Вы занимаетесь своей практикой, я своими делами. Никто вас не потревожит. Ровно до тех пор, пока вы не дадите повода.

- Пустые угрозы, - прошипел Карл Иванович, нависнув надо мной, я даже и не подумала отступить, напротив, положила ладонь ему на грудь, ровно туда, где сейчас лежали деньги, и холодно усмехнулась:

- Вы ведь умный человек, Карл Иванович. Я не лгу, всё так и есть. Впрочем, кто я такая, чтобы останавливать вас, ежели сильно хочется проверить на деле, блефую я или нет?

Он, чуть запнувшись, сам шагнул назад, достал платок из кармана и промокнул лоб. Поправил пенсне.

- Александра Николаевна, вы изменились, - проговорил медленно. - Я наблюдал многих людей, и вы не та, что была. Будто передо мной совсем другой человек.

- Безусловно. Так и говорите на каждом углу, чтобы в итоге оказаться в ледяной ванне, а затем в смирительной рубашке. Не уверена, что вам понравится, - оскалилась я так, что собеседник вздрогнул. – Надеюсь, вы меня услышали. Всего вам… доброго, Карл Иванович, - и, не дожидаясь ответа, едва сдерживая себя, чтобы не сорваться на бег, степенно вышла на площадь и затерялась среди людей. За одним из прилавков стянула платок, быстро накинула второй и уже после позволила себе облегчённо выдохнуть. Руки против воли подрагивали от бурлившего в крови адреналина.

***

Первым открыла конверт без надписи, взломала сургучную печать с монограммой «Н.О.».

Внутри оказался сложенный вчетверо лист плотной бумаги с описью имущества.

Имѣніе Покровское, Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда. Три тысячи двѣсти десятинъ. Заповѣдное владѣніе, учреждено дѣдомъ, графомъ Апраксинымъ, въ 1847 году. Конный заводъ в тридцать четыре головы. Деревни Покровка и Малыя Выселки.

Доходный домъ, Санктъ-Петербургъ, Литейный проспектъ. Восемь квартиръ. Доходъ за истекшій годъ - четыре тысячи шестьсотъ рублей.

Домъ въ Москвѣ, Пречистенка. Родовой.

Государственныя бумаги: облигаціи Государственнаго банка на сумму восемнадцать тысячъ рублей. Хранятся въ сейфѣ.

Акціи Волжско-Камскаго строительнаго товарищества - четыреста двадцать штукъ. Пріобрѣтены въ 1888 году по семидесяти двухъ рублей за штуку. Въ 1891 году выкуплены казною по цѣнѣ тридцати одного рубля. Убытокъ семнадцать тысячъ двѣсти двадцать рублей.

Земельный участокъ, сорокъ десятинъ, Царскосельскаго уѣзда. Вдоль полосы отчужденія Николаевской желѣзной дороги.

Я перечитала список дважды. Саша была богата. Очень.

Горчаков охотился не за мелкой рыбкой, он хотел захапать целого медведя.

Аккуратно сложила лист обратно, отодвинула в сторону и рука сама потянулась к тетради.

Клеёнчатый переплёт был потёрт на углах, тетрадь явно часто доставали.

На первой странице без заголовка значилась дата: **«14 марта 1891 года»**. За ней шла первая запись:

«Свѣрилъ поступленія съ Покровскаго за четвёртый кварталъ минувшаго года. По отчёту двѣсти сорокъ рублей съ мельницы. По письму старосты Тимоѳея, которое тотъ прислалъ мнѣ отдѣльно, минуя управляющаго, - триста восемьдесятъ. Расхожденіе сто сорокъ рублей. Повѣренный объяснилъ ремонтомъ. Просилъ счета - обѣщался прислать. Не прислалъ».

Далее шли записи с иногда внушительным перерывом.

3 апрѣля. Счета такъ и не пришли. Запросилъ повторно. Управляющій отвѣтилъ, что бумаги переданы въ контору, откуда ихъ получу на слѣдующей недѣлѣ. Жду. Купонный доходъ по облигаціямъ за мартъ пришёлъ на восемьдесятъ рублей меньше обычнаго. Спросилъ въ банкѣ, сказали, выплата произведена сполна. Куда дѣлась разница - неясно. Возможно, ошибка въ проводкахъ. Провѣрю.

29 апрѣля. Счетовъ не получилъ. Управляющій болѣнъ. Написалъ напрямую въ Покровское старостѣ Тимоѳею. Купонный доходъ за апрѣль снова меньше. Уже не похоже на ошибку. Началъ вести отдѣльную тетрадь.

17 мая. Тимоѳей отвѣтилъ. Мельница работала исправно весь квартал, ремонта не было. Арендаторы платили въ срокъ. По его словамъ, деньги онъ передавалъ управляющему лично, подъ роспись. Попросилъ прислать копіи расписокъ. Кто-то лжётъ: управляющій или Тимоѳей. Управляющаго назначалъ не я.

4 іюня. Получилъ копіи расписокъ отъ Тимоѳея. Суммы сходятся съ его письмомъ, не съ отчётомъ. Управляющій, нѣкто Власовъ, принималъ деньги и занижалъ цифры въ бумагахъ. Власова нанимали безъ моего вѣдома, пока я былъ въ командировкѣ. Кто именно нанималъ выясняю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.